

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Лютиков М. Ю. Выборы 1996. Сравнительный анализ предвыборных программ основных кандидатов 3
- Стеценко С. В. Правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в таможенном законодательстве Российской федерации 12
- Узлова И. В. Государственная дума ФС РФ 1-го созыва: бюджетные баталии 1994 г. 17

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Воробьева А. В. Особенности русского барокко (на примере Вятского региона) 24
- Гергилов Р. Е. Война и культура 30
- Журавлева О. М. Особенности путеводителей по Санкт-Петербургу и Москве, изданных до середины XIX века 37
- Мамина Р. И. Корпоративная культура как новая форма коммуникативного взаимодействия 42
- Пирайнен Е. В. Культура как система социокультурной детерминации 47
- Ронзина М. Д. Корпоративная культура как предмет системного философского исследования 52

ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

- Заворина Н. Н. Структурный функционализм в изучении института образования 57
- Строгецкая Е. В. Миссия университета постмодерна 62
- Алгрин М., Айкхорн К. К., Родионо В. Оценка в высшем образовании: исследование программы подготовки по связям с общественностью и рекламе 68

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Журавлева Ю. В. Психолингвистический аспект языковой эмотивности 72
- Ленькова И. А. PR-тексты в лингвистике текста: подходы к изучению 74
- Смирнова Е. А. К вопросу о причинах формирования «специального компьютерного» языка 78

Редакционная коллегия:

О. Ю. Маркова
(главный редактор),
Н. К. Гигаури
(ответственная за выпуск),
В. В. Калашников,
С. Л. Бурлакова,
О. А. Преображенская,
А. В. Ранчин,
Е. В. Строгецкая

Редактор А. В. Крейцер
Комп. верстка Е. В. Карасева

Подписано в печать 01.12.06 г.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать: ризограф.
Печ. л. 10,5.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, 5

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006

УДК 940.1

М. Ю. Лютиков

ВЫБОРЫ 1996. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ ОСНОВНЫХ КАНДИДАТОВ

Проведен краткий анализ ключевых положений предвыборных программ основных кандидатов на пост президента РФ в 1996 г.

Президентские выборы 1996, основные кандидаты, предвыборные программы, ключевые моменты, краткий анализ

Президентские выборы 1996 г. имели очень важное значение для новейшей истории России, поскольку от их исхода зависел стратегический курс дальнейшего развития страны. Выборы проходили в ситуации, когда общественное мнение не было единым в этом вопросе. Именно поэтому программы кандидатов на пост президента имели принципиальное значение для избирателей. Хотя, конечно, исход выборов определяется не только содержанием представленных кандидатами программ.

В данной статье проводится общий анализ предвыборных программ, предложенных российскому избирателю Б. Н. Ельциным и Г. А. Зюгановым, двумя основными кандидатами на высший государственный пост, которые прошли первый тур выборов и сражались за победу во втором туре.

Ельцин Б. Н. В ряду основных претендентов Ельцин принципиально выделялся тем, что он был действующим президентом и шел на повторные выборы. Он уже имел власть и располагал «административным ресурсом», который создавал большие преимущества перед всеми другими кандидатами. С другой стороны, Ельцин нес персональную ответственность за положение дел в стране, сложившееся в период его прежнего президентства. А это положение было весьма сложным. К началу президентской кампании электоральные шансы Ельцина оценивались низко. Рейтинг доверия этого политика уступал ряду других кандидатов, в том числе и рейтингу Зюганова. Кроме того, Ельцин в период первого президентства не раз говорил о том, что не будет выставлять своей кандидатуры на выборах 1996 г. Теперь он должен был обосновать причины своего выдвижения на второй срок.

Такой причиной Ельцин назвал свою нужность России в конкретный исторический момент для того, чтобы избежать «отката назад», чреватого «гражданской войной». Этот мотив стал краеугольным камнем его предвыборной компании. В программе кандидата это обоснование выглядит следующим образом:

«В июне будет решаться, что ждет нашу страну и нас всех персонально. Столько пережить, стоять на пороге цивилизованной жизни и снова откатиться назад? Это будет нашим общим поражением и позором. Пока есть угроза столкновения «красных»

и «белых», мой человеческий, гражданский долг, мой долг политика, стоявшего у истока реформ, – добиться консолидации всех здоровых сил общества и предотвратить возможные потрясения, вплоть до гражданской войны»¹.

Тезис о возможной гражданской войне в случае смены власти следует признать весьма эффективным. Он будет постоянно усиливаться в течение всего периода предвыборной кампании Ельцина и в конце концов станет определяющим.

Свой долг перед избирателями Ельцин считал слишком важным, чтобы обращаться к невыигрышной для него теме, связанной с социально-экономическими, демографическими и политическими результатами первого президентства. И он предпочитал на эту тему подробно не говорить. Однако Ельцин признал необходимость определенной коррекции курса реформ и отмежевался от идеологизированного подхода при их проведении, указав на то, что критерием политики должна быть практическая польза:

«Я за реформы, но не любой ценой. Я за коррекцию курса, но не за возврат назад. Я за то, чтобы основами российской политики были не утопия и догмы, а практическая польза».

Вместо анализа прошлой экономической политики Ельцин предпочитал делать акцент на том, что эта политика подготовила условия для быстрого экономического роста в ближайшем будущем:

«Я с оптимизмом оцениваю перспективы российской экономики. Ставлю перед собой цель – успешно завершить экономическую реформу в ближайшие годы. Дальше пойдет естественное экономическое развитие. Уже к концу 1996 года мы добьемся того, что рост цен не превысит одного процента в месяц, а инфляция перестанет подтачивать благосостояние людей. Через два-три года у нас будет экономика с ростом объемов производства не менее 5 процентов в год».

Важно отметить, что этот рост Ельцин во многом связывал с частными российскими и иностранными инвестициями и делал акцент на том, что инвесторы ждут результатов июньских выборов президента. Победа Ельцина будет воспринята как сигнал для массовых инвестиций:

«...инвесторы ждут июня. И тогда, после будущих президентских выборов, возможен мощный наплыв капиталовложений. Второе полугодие можно будет использовать для того, чтобы поднять действительно экономику, чтобы у нас коэффициент инфляции был два, максимум три процента, не больше».

Подобное логическое построение было достаточно сильным ходом. Во-первых, избирателю внушалась мысль о том, что пережитые и переживаемые трудности не были напрасными, однако получить награду за перенесенные лишения можно будет только при сохранении избранного курса реформ. Во-вторых, возможность резкого улучшения социально-экономической ситуации непосредственно связывается с результатами президентских выборов.

Тезис о ненапрасных жертвах и реальной возможности улучшения жизни людей Ельцин подкреплял обещаниями немедленно решить одну из самых болезненных проблем уже в ходе избирательной кампании. Речь шла о долгах государства перед бюджетниками по зарплате:

«Долг государства по зарплате составляет сегодня 13,4 триллиона рублей. Необходимо покончить с позорной практикой задержек заработной платы и пенсий».

¹ Здесь и далее взяты фрагменты из выступления Ельцина на съезде движения его сторонников 6 апреля 1996 г., в котором впервые и подробно были обозначены основные положения предвыборной программы

В марте все долги по зарплате будут выплачены. Текущая зарплата также будет выплачиваться в срок, так как очень четко рассчитаны и определены все источники и сроки выплат».

Президент обещал решить и весьма болезненные проблемы выплаты пенсий и зарплаты в негосударственном секторе: *«На очереди – решение проблем своевременной выплаты пенсий, зарплат в негосударственном секторе. Вопрос с пенсиями мы должны решить уже в апреле».*

Весьма осторожно затрагивает президент и другую большую тему – пропавшие вклады: *«Готовимся к постепенному восстановлению вкладов населения в Сбербанке».*

В этом случае осторожность должна, с одной стороны, показать понимание серьезности и сложности вопроса, а с другой стороны, создать в избирателе доверие к сказанному.

Понимая важность вопроса, связанного с зарплатой и пенсиями, президент счел возможным подчеркнуть свой личный вклад в их решение. Делается это не прямо в лоб, а в контексте критики работы государственного аппарата:

«Сейчас слабость ряда государственных органов очевидна. И потому мне как Президенту приходится брать ответственность на себя, чтобы устранить наиболее вопиющие промахи. Так было с проблемой задержки заработной платы работника государственного сектора. Вы знаете, что здесь обеспечен перелом. Никто из тех, кто задерживает чужие деньги, не уйдет от ответственности».

Покончив таким образом с неприятной темой анализа экономических итогов своего первого президентства, Б. Н. Ельцин далее сконцентрировался на изложении стратегических целей своего второго президентства, которые кратко выражались звучным заглавным лозунгом: ***Свободное общество, справедливое государство, обеспеченная семья.***

При этом основная цель предвыборной программы Б. Н. Ельцина, как нам представляется, не состояла в том, чтобы донести до граждан четкую программу конкретных действий кандидата в случае его избрания на второй срок. Задача ставилась другая: убедить избирателей в том, что кандидат и его сподвижники, несмотря на все трудности и ошибки, на самом деле ведут страну по правильному пути и преследует благую цель. При таком подходе можно было признать свои отдельные ошибки, но концентрировать внимание на необходимости продолжать идти избранным курсом и излучать твердую уверенность относительно счастливого конца всего предприятия:

«Преобразования нужны нам не сами по себе. Большая и кропотливая работа, которая ведется уже пять лет и будет продолжена, имеет ясные ориентиры –

Благополучный человек и обеспеченная семья.

Свободное общество и справедливое государство.

Процветающая Россия».

Интересно отметить, что если в период первого президентства лейтмотивом многих выступлений Ельцина являлся тезис о выборе пути построения свободного демократического общества и акцент делался на правах и свободе личности, то теперь основной акцент делался на благополучии семьи. Ельцин признавал, что в ходе реформ более всего пострадала семья, и искал возможность представить себя в качестве основного поборника в деле обеспечения благополучия российских семей:

«Надо ли говорить, как от тягот переходного периода пострадала семья... Помочь российской семье прочно встать на ноги – это стержень всей политики на предстоящее четырехлетие. Это – очень трудная задача, но я иду на выборы и одержу победу, чтобы решить ее».

В этой связи давались и конкретные обещания. Одно из основных обещаний касалось вопроса о земле и было достаточно традиционным для Ельцина. Оно звучало и в первую президентскую кампанию, и накануне решающего референдума в апреле 1993 г., когда Ельцин вел непримиримую борьбу с российским парламентом в лице Верховного Совета и Съезда народных депутатов: *«В такой стране, как Россия, всякая семья, желающая иметь землю, может и будет иметь ее».*

Второе обещание также затрагивало болезненную для россиян проблему, но являлось новым и содержало косвенное признание ошибок, допущенных в ходе реформ:

«Учитывая обширность российской территории, важнейшей социальной задачей государства является снятие препятствий для общения родственников, живущих в разных концах страны. Транспорт и связь вновь должны стать доступными людям».

Ельцин явно боялся неблагоприятной для себя позиции электората старших возрастов и стремился привлечь их на свою сторону:

«Не меньшего внимания требуют и люди старшего поколения. Считаю, что наша страна должна иметь федеральную программу заботы о старшем поколении по аналогии с программой «Дети России». Она должна включать эффективные меры по организации бытового и медицинского обслуживания пожилых людей, созданию хороших условий жизни в домах престарелых».

Учитывая огромное социальное расслоение, которое появилось в результате реформ, и большое количество россиян, живущих в бедности или на грани бедности, Ельцин предлагал им перспективу, которая воспринималась большинством как реальная. Речь шла о создании многочисленного среднего класса, т. е. людей, живущих не богато, но в определенном достатке:

«Россия станет по-настоящему богатой, когда станет мощным слоем благополучных людей, тех, кого принято называть средним классом. Он основа общественной стабильности и гражданского порядка. Важнейшая моя задача – обеспечить развитие российского среднего класса».

В русле этих обещаний Ельцин касается и еще целого ряда других социально-экономических проблем. Практически он обещает всем категориям населения сделать для них все необходимое для нормальной и обеспеченной жизни. Однако основной акцент делается именно на вышерассмотренные проблемы.

Среди политических приоритетов своей программы Ельцин называет «справедливое государство». Само по себе это новое сочетание для массового сознания российского общества, где более привычными были сочетания типа «справедливый общественный строй», «справедливое распределение по труду» и т. п. Ельцину было трудно использовать такие словосочетания, поскольку проходящая реформа их никак не подтверждала. Отсюда родилось понятие «справедливое государство». Под этим, в частности, подразумевалось и то, что государство должно проводить реформы с учетом принципа социальной справедливости: *«Реформа должна в полную силу поддерживать тех, кто живет за счет своего труда и таланта».*

Одной из острых проблем, сильно раздражавших россиян, была проблема коррумпированности органов государственного управления, которые потеряли доверие людей. Ельцин высказался по этому поводу следующим образом:

«Задача принципиальной важности – заставить государство, многочисленных его чиновников работать на общество, на интересы людей. Намерен решительно ужесточить кадровую политику. Тяжело идет борьба с коррупцией. К сожалению, далеко не все представители и новой волны госслужащих выдержали экзамен. В отношении подобных людей нужны предельно жесткие меры. У зарвавшихся руководителей, чиновников земля должна гореть под ногами».

Готовность подняться на борьбу с коррупцией в ходе избирательной кампании декларировалась всеми кандидатами, вступившими в борьбу. Однако в устах действующего президента, признавшего промахи в своей кадровой политике и осознающего всю сложность ситуации, эта тема имела особый вес.

Одна из самых больших проблем Ельцина как президента являлась война в Чечне. Для Ельцина-кандидата эта проблема могла стать роковой. И Ельцин заявляет о своей решимости разрешить кризис, не вдаваясь в особые размышления по этому поводу:

«Мой долг – сдвинуть с мертвой точки разрешение тяжелейшего чеченского кризиса. Как бы ни было трудно, мы сделаем все, чтобы прочный мир в этом российском регионе был восстановлен. Но надо отдавать себе отчет – это не разовая акция.

Я исходил и впредь буду исходить из того, что территория России едина и не делима».

В последнем предложении дано и объяснение причин войны, и рамки, в которых должна быть решена проблема ее прекращения.

Учитывая тот факт, что большинство граждан России сожалели о развале Советского Союза, Ельцин дает обещание держать курс на интеграцию постсоветского пространства. Это обещание опирается на ряд уже сделанных шагов в направлении сближения с Белоруссией, что как бы подтверждает серьезность и обоснованность подобных заявлений со стороны президента:

«Наша стратегическая линия – на углубленную интеграция России с теми государствами, кто вслед за Белоруссией пожелает этого. Наше сближение будет определяться не огнем и мечом, не страхом и обманом. Оно пойдет мирным естественным путем».

Таким образом, Ельцин в своей программе вынес на рассмотрение целый ряд проблемных вопросов российской действительности. Однако он не стал углубляться в причины, их породившие. Цель была в другом: продемонстрировать уверенность в своей возможности решить их.

Г. А. Зюганов. Отличительная черта программы главного оппонента Ельцина состоит в том, что в ней значительное внимание уделено критике политики действующего президента и ее результатов. Наиболее часто употребляемые эпитеты для характеристики происходящих в обществе процессов и их ближайшей перспективы – деградация, разложение, вымирание:

«Главная беда в том, что потенциал нашего развития, потенциал будущего, сегодня парализован или растрачивается впустую. Обстановка такова, что производительный труд стал не выгоден. Высокие технологии, передовые производства, научные школы посажены на голодный паек и не находят себе применения. Природные богатства разбазариваются»².

² Здесь и далее взяты фрагменты из предвыборной программы Зюганова, опубликованной в прессе. См.: Г. Зюганов. Предвыборная платформа: Россия, Родина, Народ! // Советская Россия. 1996. 19 марта.

В то же время критика существующего политического курса построена таким образом, чтобы довести до сознания избирателя понимание того, что все негативные явления еще могут быть и будут устранены в случае прихода к власти левой патриотической оппозиции, поскольку для этого есть все необходимые предпосылки:

«Россия располагает всем необходимым для выхода из кризиса, для возрождения в качестве великой державы. Это, прежде всего, люди, наделенные природной сметкой, трудолюбием и редким терпением. Это современные производства, способные конкурировать на мировом рынке. Это богатейшие природные ресурсы. Это дух предков, устоявших под всеми ударами судьбы.

Особое внимание в своей программе Г. Зюганов уделяет важнейшей идеологической проблеме – проблеме «демократии» и ее воплощения в современной России. Это внимание связано с тем, что важнейшим козырем антикоммунистической оппозиции на рубеже 1990-х гг. являлось утверждение о том, что советский строй – этот тоталитарный строй, чуждый демократии. Это утверждение сопровождалось ссылками на однопартийный характер советской политической системы, безальтернативный характер выборов в органы государственной власти и т. п. Иными словами, акцент делался только на формально-политические формы демократии, но при этом игнорировались реальное содержание и социально-экономическая составляющая этого понятия. Теперь, после опыта рыночных реформ капиталистического типа, Зюганов обращается к анализу новой российской демократии и дает ей следующие оценки:

«Нынешняя демократия сводится в основном к праву граждан и партий говорить, что угодно, и к праву правительства не обращать на это никакого внимания. Но демократия – это власть народа, а стало быть, ответственность государственных органов перед народом. Вот чего сегодня не хватает везде и во всем. Президент и правительство безответственны потому, что бесконтрольны, а парламент – потому, что бесправен».

Таким образом, кандидат от коммунистов подчеркивает, что режим Ельцина не имеет никакого права называться демократическим, поскольку реформы проводились не в интересах широких масс, от них выиграло только меньшинство общества. Учитывая тот факт, что Ельцин стремился представить себя как политическую фигуру, олицетворяющую путь демократического развития, противостоящий коммунистическому «тоталитаризму», успех Зюганова при развитии этого тезиса создавал для команды действующего президента очень существенные проблемы.

После характеристики сложившейся в стране ситуации, подаваемой в стиле критических замечаний в адрес основного противника, Зюганов излагал программу выведения страны из кризиса. При этом ему не требовалось изобретать ничего нового, но надо было облечь в привлекательную форму цели и задачи, понятные и близкие основной массе населения:

Первое. Остановить вымирание России. Гарантировать гражданам права на труд, отдых, жилище, бесплатное образование и медицинское обслуживание, достойную старость. Привести зарплаты, пенсии, стипендии и пособия в соответствие с реальным прожиточным минимумом. Компенсировать населению сбережения, потерянные в результате «реформ». Вернуть социальной сфере заботу государства. Предмет особого внимания – жилье, дороги, газификация домов.

При рассмотрении данного пункта программы следует отметить, что на первое место поставлена проблема, о которой действующий президент предпочитал не говорить. Речь идет о нарастающей демографической катастрофе вымирании населения. В эпоху рыночных реформ резко возросла смертность населения, в том числе мужчин трудоспособных возрастов. Народ понимал связь возросшей смертности с характером реформ, несмотря на все попытки придворных демографов доказать обратное. Поставив такую задачу на первый план, Зюганов одновременно выносил приговор реформам Ельцина как антинародным и определял приоритет своего возможного президентства.

Далее говорилось о необходимости вернуть все то, что было отобрано у простых людей в результате реформ и восстановить привычные социальные гарантии. Особо говорилось о еще очень болезненно воспринимаемой потере вкладов населения в Сбербанке. Зюганов ставил своей задачей вернуть честно заработанные деньги. Это был также элемент программы, который включал в себя позитивные цели и в то же время подчеркивал те социальные утраты, которые понесло общество в ходе реформ.

Второй пункт программы касался проблемы семьи. В этом было созвучие с программой Ельцина. Однако у Зюганова, в отличие от Ельцина, проблема семьи прямо связывалась с демографической проблемой, чего Ельцин себе позволить не мог, не привлекая внимание к тяжелой ситуации в этой сфере. У Зюганова этот пункт звучит следующим образом: *«Второе. Всемерно помогать семье, материнству, детству. Добиться коренного изменения положения женщины в обществе, освободить от тяжелых работ, увеличить отпуск по родам, оказать необходимую материальную поддержку. Сегодня труд воспитателя, учителя, врача – передний край борьбы за спасение Родины».*

Последнее предложение также вскрывало острую социальную проблему, и было весьма сильным пунктом при агитации. В России начала девяностых врачи и учителя необъяснимым образом в одночасье оказались на грани нищеты. Социальная прослойка, относившаяся к интеллигенции, в советский период истории России имела не слишком большой, но стабильный доход, и пользовалась заслуженным уважением в обществе. Теперь же большинство ее представителей оказались за бортом жизни. А поскольку среди представителей данных профессий преобладали женщины, то положение учителя и врача в обществе увязывалось с положением женщины, составляющей большую в процентном отношении часть населения и электората.

Третий пункт программы раскрывал цели и задачи экономической политики Зюганова. Он звучал так: *«Третье. Обеспечить преимущество отечественным товаропроизводителям всех форм собственности. Стимулировать рост производства конкурентоспособной продукции путем реформирования налоговой, кредитной и таможенной политики, масштабных государственных заказов и инвестиций. Сделать все, чтобы производить товары стало намного выгоднее, чем посредничать и спекулировать. Там, где это необходимо, – принять экстренные меры прямого государственного регулирования».*

Очевидно, что решение задач, обозначенных в третьем пункте, было основой для решения всех тех задач, которые были сформулированы в первых пунктах. Острота проблемы состояла в том, что к 1996 г. объем реального производства в России сократился наполовину. Стояли или работали с неполной нагрузкой тысячи заводов и фабрик, миллионы рабо-

чих, занятых на них. Резко сокращались посевные площади, крупный и мелкий рогатый скот, производство птицы. Падало плодородие земли, в которую не вносились минеральные и органические удобрения, ставшие не по карману российскому крестьянину.

Важно отметить, что Зюганов, предлагая пути выхода из кризиса, не ставит под сомнение многоукладный характер экономики и говорит о создании условий для товаропроизводителей всех форм собственности. Очень аккуратно говорится и о методах прямого государственного регулирования. Они предлагаются в экстренных случаях. Таким образом, в программе нет отрицания рыночной экономики как таковой.

Четвертый пункт программы развивает третий применительно к крестьянству и отдельно ставит вопрос о форме собственности на землю: *«Поддержать крестьянство – важнейшую опору государства, хранителя духовно-нравственного богатства народа. Обеспечить равные условия для всех – коллективных и фермерских – форм хозяйствования на земле. Осуществить это на основе крестьянской трудовой собственности, аренды, пожизненного и наследуемого пользования, но без права свободной купли-продажи земли, за исключением приусадебных, дачных и садово-огородных участков. Обеспечить паритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию».*

Называя крестьянство важнейшей опорой государства, Зюганов тем самым отказывался от политики «раскрестьянивания», активно проводимой в СССР. Крестьянство в советский период воспринималось как класс, менее социалистически ориентированный, чем рабочие, поскольку крестьяне имели в пользовании относительно крупные земельные участки в виде подсобного хозяйства, на которых они работали значительное время, зачастую в ущерб работе в колхозе или совхозе. Однако в ходе радикальных реформ оказалось, что большое число крестьян привержено к коллективным формам хозяйствования. Они в штыки встретили попытку правительства Ельцина-Гайдара в одночасье сломать колхозный строй в 1992 г. Большинство сельских жителей активно поддерживали левые партии на парламентских выборах в 1993 и 1995 гг. и были особенно восприимчивы к наиболее доступной для левых партий агитации по принципу «от двери к двери». Зюганов своим особым обращением к крестьянству учел все эти моменты.

В пятом пункте программы лидер КПРФ ставил задачу *«спасти научно-технический и культурный потенциал страны. Оказать срочную государственную поддержку высокотехнологичным производствам военно-промышленного комплекса и других отраслей. Сохранить народное образование и фундаментальную науку, культуру и искусство, музеи и библиотеки, театры и кино, без которых у России нет будущего. Создать государственную систему поощрения талантов. Предотвратить «утечку мозгов» за рубеж».*

Этим пунктом кандидат от КПРФ обращался к технической и творческой интеллигенции, т. е. к той группе населения, которая с конца 1980-х гг. являлась опорой «демократической оппозиции». Однако в 1996 г. многие представители этой социальной группы были разочарованы «радикальными реформами» и составляли потенциальный электорат КПРФ. Действующая власть с явным пренебрежением относилась к нуждам ученых и несла прямую ответственность за развал ВПК. В бедственном положении находилась и культура.

Шестой пункт формально в качестве главной задачи ставил укрепление финансовой системы. Однако предлагаемые для этого меры затрагивали фундаментальные вопросы экономической политики: *«Всем национальным богатством России – золотом, алмазами, нефтью и*

газом, черными и цветными металлами обеспечить устойчивость рубля. Для этого в полном объеме восстановить право общенародной, государственной собственности на землю и ее недра, леса и водные пространства, континентальный шельф. Ввести государственную монополию внешней торговли на природные богатства и товары стратегического значения).

Фактически это был призыв к пересмотру процесса приватизации ключевых отраслей добывающей промышленности, основные доходы которой в описываемый период присваивались небольшой группой новых собственников, близких к высшим эшелонам власти. С точки зрения общепринятой морали, эти люди не имели права присваивать себе то, что было создано самоотверженным трудом нескольких поколений советских людей. И доказать обратное в принципе было невозможно.

Этот пункт стал мостиком к следующему, седьмому, пункту программы, где ставилась задача *«демократизировать отношения собственности»*. Для ее решения предлагалось *«сохранить в руках государства важнейшие для обеспечения устойчивого развития и безопасности страны отрасли промышленности, энергетики, транспорта и связи»*. При этом Зюганов подчеркивал свою приверженность многоукладной экономике, но требовал обеспечить участие трудовых коллективов в управлении всеми предприятиями: *«Право на государственную заботу имеют все формы собственности, приносящие пользу отечеству. При этом будут обеспечены права профсоюзов, трудовых коллективов на контроль и участие в управлении предприятиями, независимо от формы собственности»*.

Далее, при анализе предвыборной программы Г. Зюганова следует обратить внимание на формулировку понятия «президент Российской Федерации», предлагаемую лидером коммунистов, – «не царь и не отец нации, а высшее должностное лицо на службе у общества, подконтрольный и подотчетный народному представительству». За этим стоит стремление изменить тот объем полномочий, которые предоставляла новая Конституция РФ президенту, делая его фактически неподконтрольным парламенту. Эта задача формулировалась в емком кратком тезисе: *власть будет возвращена народу*.

В заключении Зюганов по новому формулировал главную цель КПРФ: *«Наша цель – свобода и справедливость. Если государственная власть это обеспечивает, все остальные свободные люди в свободной стране сделают сами без поучений и понуканий»*.

Новым было то, что свобода ставилась в один ряд со справедливостью, традиционным приоритетом сторонников социалистического пути развития. Помимо этого явной новацией был акцент на самостоятельное творчество масс, свободных от всесторонней государственной опеки.

Заключение. Исходя из проведенного краткого анализа предлагаемых избирателю программ, мы можем сформулировать следующие общие выводы. Оба кандидата представили программы, в которых поднимались волнующие общество стороны жизни. При этом для Ельцина был характерен отказ от подробного анализа итогов своего первого президентства, в то время как Зюганов уделил этому большое внимание. Программа Зюганова знаменовала существенный отход от ряда догм официальной идеологии советского периода. В то же время в ней присутствует своего рода идеология возврата, поскольку целью Зюганова было возвращение на путь социалистического развития. В этом была и сила и слабость программы. Все зависело от отношения избирателей к социалистическому прошлому. Программа Ельцина была более слабой с логической точки зрения, но она

апеллировала не столько к разуму, сколько к эмоциям избирателей. И была направлена на то, чтобы использовать веру значительной части населения в то, что рыночные реформы капиталистического типа в скором будущем принесут свои плоды и Россия будет жить так же, как развитые капиталистические страны Запада. Если учесть состояние общества в рассматриваемый период, то каждый из кандидатов должен был получить большое число голосов. И это исключало возможность победы кого-либо из кандидатов в первом туре. А логика борьбы во втором туре имела уже иную специфику.

M. J. Lyutikov

ELECTIONS 1996. PROGRAMS OF CANDIDATES

The brief analysis of key positions of electoral programmes of major candidates on a post of the president of the Russian Federation is given.

Presidential elections 1996, major candidates, electoral programmes, key moments, brief analysis

УДК 340:337.0 :339.6

С. В. Стеценко

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТАМОЖЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются некоторые правовые акты в российском законодательстве по обеспечению продовольственной безопасности.

Продовольственная безопасность, таможенное законодательство

Под продовольственной безопасностью в мире обычно понимается такое состояние экономики, при котором гарантируется обеспечение доступности продовольствия для всех жителей и в любое время в количестве, необходимом для активной здоровой жизни.

В качестве основных показателей уровня международной продовольственной безопасности рассматривается размер переходящих запасов зерна в мире и уровень производства зерна на душу населения в среднем [1]. Продовольствие относится к первым жизненным потребностям человека, от удовлетворения которых зависит сама его жизнь. Продовольствие не просто продукт первой необходимости, это важнейший стратегический товар. Кто его имеет, тот и господствует как в экономике, так и в политике. Поэтому естественно то внимание, с которым относятся государства к обеспечению своей продовольственной безопасности. Эта проблема была всегда актуальна для России, особенно она обострилась в конце XX в. начале XXI в., в условиях острого экономического кризиса и коренной ломки общественных отношений.

Концепция всемирной продовольственной безопасности впервые была выдвинута Продовольственной сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) или ФАО в 1973 г. При этом мировая продовольственная безопасность понимается главным образом как сохранение стабильности на рынках продовольственных товаров при доступ-

ности базовых продуктов питания для всех стран мира. Нестабильность международного рынка продовольствия, связанная с сезонными колебаниями уровня мирового урожая зерна и негибкостью аграрной политики ряда государств, по мнению экспертов ФАО, требует разработки и осуществления коллективных мер по обеспечению продовольственной безопасности в мире. В 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила рекомендации ФАО «Международные обязательства по обеспечению продовольственной безопасности в мире». В них предусматривалось создание национальных продовольственных резервов при координации их деятельности на международном уровне, представление экономической помощи с целью увеличения производства и строительства хранилищ продовольствия в развивающихся странах, установление глобальной информационной системы по вопросам производства и торговли продовольственными товарами, обеспечение регулярных межправительственных консультаций по вопросам мировой продовольственной безопасности. 17 ноября 1996 г. на Всемирной встрече на высшем уровне по проблемам продовольствия была подписана «Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности и план действий всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия» [2].

Российская продовольственная безопасность вытекает из общего понятия «безопасность». В законе РФ «О безопасности» [3] сказано, что безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом к жизненно важным интересам отнесены потребности, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет, территориальная целостность. Угроза же безопасности – это совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства. По мнению доктора экономических наук В. Сенчагова, «...безопасность – это состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к самовыживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз» [4]. Представляется, что в основе безопасности содержится ее экономическая составляющая, где происходит производство, распределение и потребление материальных благ. В данном аспекте продовольственную безопасность следует рассматривать как важнейшую качественную характеристику экономической системы страны, как составляющую ее национальной безопасности.

Экономическая сущность продовольственной безопасности проявляется в двух аспектах: во-первых, позволяет защитить внутренний рынок от необоснованных импортных поставок продовольствия и укрепить экономическое положение местных агропроизводителей; во-вторых, появляется возможность снижения экономической зависимости страны. Условием обеспечения достаточного уровня продовольственной безопасности является достижение экономической безопасности. Именно в такой взаимосвязи и необходимо рассматривать экономическую сущность продовольственной безопасности.

Таким образом, под продовольственной безопасностью отдельной страны обычно понимается состояние защищенности удовлетворения потребностей в продовольствии за счет собственного производства на таком уровне, при котором обеспечивается нормальная жизнедеятельность и прогрессивное развитие личности, общества и государства.

На протяжении всей истории государственности России проблема стабильного продовольственного обеспечения населения была одной из самых важных, поскольку от нее зависела и национальная безопасность. Продовольственная безопасность России может рассматриваться в рамках страны в целом и применительно к отдельным ее регионам, т. е. в региональном аспекте. Последний обуславливается большими размерами страны, различием природно-климатических условий, экономической, демографической ситуаций и территориальным размещением населения, так как удовлетворение потребностей в продовольствии должно осуществляться по отношению к каждому конкретному человеку в местах его фактического проживания. Как это было не раз в человеческой истории, голод поражал в разной степени отдельные регионы страны: в то время как в одних регионах люди умирали от голода, в других обеспечивалась выживаемость населения. Поэтому наряду с продовольственной безопасностью страны должна рассматриваться продовольственная безопасность ее субъектов, причем основная тяжесть в ее создании ложится именно на субъекты, несущие непосредственную ответственность перед населением за его достаточное обеспечение качественным продовольствием.

На снижение продовольственной безопасности нашей страны в настоящее время большое влияние оказал рост импорта. Сегодня в Россию завозится около 40% продуктов питания, в то время как считается, что при импорте 20% продовольствия страна уже теряет продовольственную независимость [5].

Угроза продовольственной безопасности возникает в том случае, когда создаются такие политические, экономические, внешнеполитические и другие условия, которые в результате нарушения продовольственного снабжения создают опасность для жизни или здоровья населения данного региона или страны в целом. Повышение сопротивляемости продовольственному кризису предполагает заблаговременное проведение мероприятий, направленных на максимально возможное снижение ущерба стране, которые должны включать [6]:

- 1) снижение импортной зависимости от основных продовольственных товаров, в отношении которых существует реальная возможность прекращения поставок;
- 2) повышение уровня самообеспечения ресурсами за счет создания стратегических запасов и эффективного использования внутренних ресурсов;
- 3) диверсификация основных источников продовольственных ресурсов;
- 4) укрепление экономической и торговой мощи государства. С позиций продовольственной безопасности достаточный ее уровень достигается за счет самообеспечения.

Решение продовольственной проблемы является важным условием создания атмосферы стабильности и благополучия в стране, гарантией эффективности ее экономики.

Исключительно важной составляющей концепции продовольственной безопасности страны является внешнеэкономическая деятельность государства и субъектов экономики, так как одной из ее целей является наполнение внутреннего продовольственного рынка. К сожалению, либерализация внешней торговли создала условия, при которых Россия превратилась в импортера продовольствия и стала зависимой от зарубежных производителей.

В этой связи представляется обоснованным переход от политики либерализации внешней торговли продовольствием к политике аграрного протекционизма на основе взвешенного внешнеторгового защитного механизма и прямой государственной поддержки национального продовольственного рынка. Только сохранение и развитие отечественного производства продовольствия и национального рынка продуктов питания могут способст-

вывать созданию выгодных внешнеэкономических условий для успешной интеграции государства в мировую экономику. Анализ реформирования внешнеэкономической деятельности показал, что для достижения самообеспечения страны основными видами продовольствия и сельскохозяйственными товарами необходимо использование внешних связей.

Основные усилия следует направить на упорядочение и сокращение завоза традиционно производимых в стране продовольствия и сырья, а также на развитие экспортной базы. При этом необходимо совершенствовать структуру импорта продукции, упорядочить тарифное регулирование импортно-экспортных операций. Одновременно предстоит широко внедрять и использовать систему квотирования импорта продовольствия по тем его видам, которые производятся отечественными сельскохозяйственными товаропроизводителями в недостающих объемах (сахар, растительное масло), с применением льгот по таможенным пошлинам.

Проблема продовольственной безопасности неразрывно связана с таможенно-тарифным законодательством государства.

Системы законов или национальные программы в области продовольственной безопасности существуют в большинстве стран. В Российской Федерации специальных законов и программ не было. Именно это и привело аграрный сектор и всю продовольственную отрасль страны на грань полного упадка. Собственное сельскохозяйственное производство не могло даже в надлежащем объеме обеспечить продовольственные потребности страны. Особо критическая ситуация сложилась в конце 90-х XX века. Тогда, весной 1999 года на рассмотрение и утверждение в Государственную думу были внесены проекты федеральных законов «О продовольственной безопасности Российской Федерации» (далее Законопроект 1) и «О государственном регулировании импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (далее – Законопроект 2).

К сожалению, до настоящего времени эти акты не приняты и в течение семи лет в Государственной думе не рассматривались. Следует отметить, что нормы этих документов представляет исключительную важность.

В первом предлагается на законодательном уровне определить основные направления государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации и, тем самым, положить начало созданию правовой базы, регулирующей планирование по восстановлению аграрного сектора, выпуску продукции пищевой и перерабатывающей промышленности, насыщению рынка страны необходимыми и доступными для населения продуктами питания. Он раскрывает содержание таких основополагающих понятий, как продовольственная безопасность и независимость Российской Федерации и их обеспечение, продовольственный кризис, необходимый уровень производства продуктов питания. Сформулированы понятия жизненно важных продуктов питания, физиологических норм питания, а также физической и экономической доступности продуктов питания для населения страны. Под продовольственной безопасностью Российской Федерации в рамках данного законопроекта понимается состояние экономики Российской Федерации, при котором обеспечивается продовольственная независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни (ст. 1 проекта федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации»). Там же указывается, что продовольственная независимость Российской Федерации рассматривается как условие обеспечения продовольственной безопасности, при котором в случае прекращения поставок продуктов питания из-за рубежа не возникает продовольственный кризис.

В соответствии со ст. 4 законопроекта 1 продовольственная независимость Российской Федерации считается обеспеченной, если годовое производство жизненно важных продуктов питания в Российской Федерации составляет не менее 80 процентов годовой потребности населения в тех видах продуктов питания, которые соответствуют физиологическим нормам.

Второй законопроект был призван к выработке и установлению специальных правовых норм по регулированию продовольственного импорта. Именно этими нормами должны были руководствоваться органы, осуществляющие государственный контроль на рынке продовольствия, что предусматривает необходимость не только учета производства продовольствия, поставок и контроля за движением оптовых партий продовольствия от его производства или импорта до поставок потребителям, но и сертификацию качества продовольствия, включая и импортного. Государственный контроль за обеспечением продовольственной безопасности осуществляют Правительство Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также государственные службы и инспекции в пределах своей компетенции. Иные федеральные органы исполнительной власти, в том числе таможенные могут осуществлять функции государственного контроля за обеспечением продовольственной безопасности исключительно по поручению Правительства Российской Федерации.

Необходимо также установить правовые основы защиты экономических интересов отечественных товаропроизводителей в сфере агропромышленного производства от воздействия недобросовестной зарубежной конкуренции.

В заключение необходимо отметить, что с провозглашением в России курса на присоединение к Всемирной торговой организации развитие законодательства в области государственного регулирования внешнеторговой продовольственной деятельности на основе положений ГАТТ-1994 было predetermined. Но принесет ли это благо для развития страны в целом и обеспечит ли это стране продовольственную независимость, которая является необходимым условием и ядром достижения продовольственной безопасности страны при столь высокой степени инертности законодательного механизма и законодательной ветви власти Российской Федерации сегодня?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. М.: Юрайт, 1998.
2. Таможенный кодекс РФ от 28.05.2003 г. №61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.06.2003. №22. Ст. 2066; Российская газета. 2003. 3 июня.
3. Закон РФ от 21 мая 1993 года №5003-1 «О таможенном тарифе» // Российская газета. 1993. 5 июня.
4. Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 07.03.2005) «О безопасности» // Российская газета. 1992. 6 мая.
5. Борисенко Е.Н. Формирование и развитие социально-рыночного механизма обеспечения продовольственной безопасности России. М.: Инфра-М, 1997.
6. Бурдуков П.Т., Саэтгалиев Р.З. Россия в системе глобальной продовольственной безопасности. М.: Издательский Дом «Дашков и К», 1999.

S. V. Stetsenko

LAW ASPECTS FOR PROVISION OF FOOD SAFETY IN THE CUSTOMS LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article covers law problems of food security of the Russian Federation.

Food safety, customs legislation

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ФС РФ 1-ГО СОЗЫВА: БЮДЖЕТНЫЕ БАТАЛИИ 1994 Г.

Анализируется опыт принятия Государственной Думой первого в рамках новой Конституции федерального бюджета.

Государственная Дума, Правительство РФ, федеральный бюджет

Бюджет на 1994 г. стал первым бюджетом, который принимался в рамках новой Конституции. В соответствии с Конституцией бюджет утверждается путем принятия федерального закона. Это означает, что бюджет, как и другие законы, проходит все стадии законодательного процесса.

Проект бюджета разрабатывается Правительством РФ и представляется Государственной Думе. Дума принимает закон о бюджете, затем передает его на рассмотрение Совету Федерации, который рассматривает этот закон в обязательном порядке. Закон о бюджете, принятый Думой и одобренный Советом Федерации, направляется на подпись Президенту РФ.

Такая процедура принятия федерального бюджета не предоставляет Думе исключительного права на его утверждение, поскольку с решением нижней палаты Парламента могут быть не согласны Совет Федерации и (или) Президент РФ. В этом случае закон о бюджете, принятый Думой, не вступит в силу, и Дума вновь обязана рассматривать бюджет в том же порядке. В конечном счете, предусмотренная Конституцией процедура прохождения бюджета ставит Думу перед необходимостью учитывать мнение Правительства РФ, Совета Федерации и Президента РФ.

Следует отметить и то, что Конституция 1993 г. не наделяет Думу правом контролировать исполнение бюджета. Единственной формой воздействия Думы на Правительство в целях исполнения бюджета может быть выражение недоверия ему. Но и в этом вопросе права Думы ограничены. Только после повторного в течение трех месяцев выражения Думой недоверия Правительству Президент обязан рассмотреть конфликт между этими ветвями власти и принять решение в пользу одной из них. А это означает, что Президент по своему усмотрению либо отправляет в отставку Правительство, либо распускает Государственную Думу. Такой механизм не создает условий для реального контроля Думы за политикой Правительства.

Тем не менее, право Думы утверждать федеральный бюджет является важнейшим инструментом воздействия Думы на экономическую политику Правительства. В некоторых экономически развитых странах этот инструмент действует весьма эффективно. В истории постсоветской России процесс становления названного инструмента проходил болезненно. Так, в течение 1992 и 1993 гг. Верховный Совет Российской Федерации не смог утвердить государственный бюджет в силу очень серьезных разногласий между парламентом и правительством. Бюджет на 1994 г. стал первым бюджетом в постсоветской России, прошедшим через парламент и утвержденным законом. Все это делает изучение первого опыта Государственной Думы по принятию бюджета на 1994 г. важной научной задачей.

Дума обсуждала проект бюджета в апреле – мае 1994 г. В ходе обсуждения выяснилось, что Правительство не может выполнить все обещания по улучшению экономического положения различных категорий граждан и регионов, которые давались в 1993 г. президентом Ельци-

ным. Они не были реальными ни для бюджета 1993 г., ни для бюджета 1994 г. Более того, уже в первом проекте бюджета 1994 г. фактически планировалось снижение расходов на социальные нужды. Еще одна особенность проекта бюджета на 1994 г., составленного Правительством, заключалась в том, что происходило существенное перераспределение средств в пользу центра за счет регионов, что не могло не вызвать протеста с их стороны.¹

Тем не менее, большинство депутатов не хотели просто отвергнуть правительственный проект бюджета, они были настроены на поиск договоренностей и компромиссов.

После предварительного обсуждения в комитетах и во фракциях Государственная Дума **15 апреля 1994 г.** приняла постановление «О федеральном бюджете на 1994 год», в котором проект бюджета, представленный Правительством, *принимался за основу*².

Однако депутаты указали на целый ряд принципиальных недоработок в этом проекте бюджета и предложили Правительству в двухнедельный срок внести необходимые изменения в основные характеристики законопроекта.

В числе основных замечаний депутаты указали на то, что Правительство явно занизило доходную часть бюджета путем занижения доходов от приватизации федеральной собственности и доходов от экспортно-импортных пошлин. Депутаты оппозиционных фракций считали, что таким путем Правительство создает круг сверхбогатых людей за счет налоговых льгот в экспортно-импортной сфере и стремится передать им государственную собственность на весьма выгодных условиях.

Депутаты потребовали увеличения доли средств на государственную поддержку отраслей народного хозяйства (прежде всего сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственного машиностроения), а также увеличения расходов на социально-культурные мероприятия.

Под влиянием критики со стороны депутатов Правительство частично учло требования по увеличению доходной части бюджета за счет увеличения доходов от приватизации федеральной собственности и от экспортно-импортных пошлин. Однако большую часть необходимых расходов Правительство предлагало проводить за счет увеличения дефицита бюджета.

Уточненный вариант бюджета рассматривался в Думе 11 мая. Его основные параметры выглядели следующим образом: сумма доходов федерального бюджета – 124 477 млрд. р.; сумма расходов – 193 324 млрд. р.; дефицит федерального бюджета – 68 847 млрд. р. (9,5 % от ВВП)³.

Расходы федерального бюджета были увеличены в целом на 10 трлн. р., и в основном эти средства (9 трлн. р.) были направлены на государственную поддержку отраслей народного хозяйства, в том числе: на сельское хозяйство, продовольствие – 6,7 трлн р.; на государственные инвестиции в аграрно-промышленный комплекс – 2,4 трлн р. Кроме того, почти на 1 трлн р. планировалось увеличение расходов на социально-культурные мероприятия⁴.

¹О проекте федерального закона о федеральном бюджете на 1994 год. Доклад исполняющего обязанности министра финансов РФ Дубинина С.К.//Государственная Дума: Стенограммы заседаний. Весенняя сессия. 1994 г. Т. 4 . М.: Республика, 1995. С. 339–372.

²Государственная Дума: Стенограммы... Т. 4.С. 454.

³ Там же. Т. 5 . С. 22.

⁴Там же. С. 43–44.

Председатель Комитета Государственной Думы по бюджету, налогам, банкам и финансам М. М. Задорнов (Яблоко), докладывая о внесенных Правительством изменениях в проект бюджета, сказал следующее: «Правительство учло только часть замечаний Государственной Думы, а по ряду принципиальных моментов, которые были отражены в сводном заключении комитетов Государственной Думы, мы не получили ответа. Речь идет о распределении доходов между федеральным бюджетом и бюджетами территории, о проблеме консолидации внебюджетных фондов в федеральном бюджете. Не произведено сокращение расходов на государственное управление, на чем настаивал целый ряд комитетов и депутатских фракций. И, наконец проект бюджета не приведен в соответствие с прогнозом социально-экономического развития и с реальной динамикой экономической ситуации, как она складывается в первом квартале 1994 года»⁵.

В последнем замечании Задорнов обращал внимание депутатов на то, что реальное падение производства шло в большем объеме, чем прогнозировало Правительство, что влекло за собой и падение бюджетных доходов. Задорнов от себя лично предложил «голосовать против принятия этого проекта в первом чтении и за поручение Правительству представить бюджет на второе полугодие с учетом тех рекомендаций, которые были даны Государственной Думой»⁶.

Следует отметить, что позиция Задорного во многом отражала позицию фракции «Яблоко», которая последовательно проводила линию на отклонение правительственного проекта бюджета⁷.

Однако бюджет в этот день, *11 мая, был принят в первом чтении. Тем не менее, многие депутаты говорили о нереальности проекта*, поскольку резкое падение объемов производства в отечественной промышленности вело к сокращению налоговых поступлений в бюджет. Тогда 23 мая Президент принял пакет указов, направленных на обеспечение полноты внесения налоговых и иных обязательных платежей в бюджет и государственные внебюджетные фонды Российской Федерации и усиления ответственности налогоплательщиков за соблюдение норм налогового законодательства⁸. Эти меры должны были убедить депутатов Думы в том, что доходы, заложенные в проект бюджета, будут получены и поэтому бюджет следует принимать. Одновременно, президент Ельцин попытался возложить ответственность за экономическую ситуацию в стране на самих депутатов. 25 мая он направил в Думу письмо, в котором отмечал, что действующее законодательство не обеспечивает условий для эффективного реформирования экономики, а Дума не принимает новых экономических законов⁹.

В ответ левые фракции на следующий день подвергли критике работу Правительства и предложили Президенту «подумать о правительстве»¹⁰.

⁵ Государственная Дума: Стенограммы... Т. 5. С. 45.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. С. 65–66.

⁸ Российская газета. 1994. N 96. 24 мая; Коммерсантъ-Daily. 1994. 31 мая, 24 августа.

⁹ Коммерсантъ-Daily. 1994. 26 мая.

¹⁰ Коммерсантъ-Daily. 1994. 27 мая.

В свою очередь, Правительство усилило работу с отдельными думскими фракциями и депутатами, склоняя их различными методами к поддержке проекта бюджета. В результате этих сложных маневров 8 июня проект бюджета был принят во втором чтении. Особенностью проекта, принятого во втором чтении, было определенное увеличение расходов на оборону и оборонную промышленность с тем, чтобы спасти ее от полного краха. На оборону было добавлено 3,5 трлн. р., из них 2,8 – на закупку вооружений и военной техники¹¹. Кроме того, на 2,5 трлн. р. были увеличены расходы бюджета в части помощи субъектам РФ, а также на 2,3 трлн. р. – расходы на социально-культурные мероприятия.

За принятие проекта бюджета во втором чтении голосовали и депутаты левых фракций, что породило ряд обвинений их в соглашательстве с Правительством со стороны других оппозиционных групп. Стремясь отразить эти обвинения, 10 июня, т. е. на следующем заседании Думы, фракция КПРФ огласила резкое заявление «О трехлетней политике разрушения основ народной жизни России», приуроченное к годовщине избрания Б. Ельцина Президентом РФ. Но это не помогло, депутат С. Бабурин, выступивший сразу после оглашения заявления фракции КПРФ, заявил следующее: «При голосовании во втором чтении проекта бюджета мы перешли тот водораздел, за которым и определяется, кто у нас сегодня является опорой Правительства, кто у нас сегодня правящее большинство, а кто у нас оппозиция. Сколько бы мы ни объясняли мотивы, почему голосами фракций Аграрной партии России, Либерально-демократической партии России, Коммунистической партии Российской Федерации, Партии российского единства и согласия, Демократической партии России и движения «Женщины России» поддержан бюджет и поддержано Правительство, это нужно воспринимать как реальность. Почему так произошло? Я думаю, прежде всего из-за отсутствия политической воли у некоторых политических деятелей. Из-за боязни взять на себя ответственность за ситуацию в стране»¹².

Бабурина возразили депутаты от КПРФ, ЛДПР и АПР. Депутат А. Н. Михайлов (КПРФ) отметил, что в вопросе о бюджете «просто победил политический реализм, который должен был победить в данной политической ситуации»¹³. Депутат В. А. Марычев (ЛДПР) отметил, что принятие бюджета «позволяет нам через некоторое время спросить здесь у тех, кто должен выполнять этот бюджет. Они должны будут нам ответить. Два года, два с половиной года страна была без бюджета. Два с половиной года не были очерчены рамки того, что делалось с Россией»¹⁴.

Депутат М. И. Лапшин (АПР) указал на другой аспект проблемы: «наша фракция не может принять на вооружение политический лозунг, исходя из принципа: чем хуже, тем лучше. Мы считаем, что неприятие бюджета было бы худо для экономики, для функционирования народного хозяйства, для всей Российской Федерации. Только по причине того, что бюджет (1993 г. – И. У.) не был нами принят (а мы не виноваты в этом), сельскохозяйственная отрасль практически совершенно не финансировалась. И мы не можем экспериментировать дальше»¹⁵.

¹¹ Государственная Дума: Стенограммы... Т. 5. С. 33.

¹² Там же. Т. 6. С. 178.

¹³ Там же. С. 181.

¹⁴ Там же. С. 183.

¹⁵ Там же. С. 187.

Если депутаты левого крыла голосовали за проект бюджета как за «меньшее зло», то для большинства депутатов центристской ориентации было характерно стремление не идти на конфликт с Правительством, а действовать в духе заключенного в апреле 1994 г. Договора об общественном согласии.

*22 июня бюджет рассматривался в третьем чтении и не был принят, несмотря на три попытки, поскольку все они не дали необходимого большинства*¹⁶.

Голосование было перенесено на пятницу 24 июня. Правительство вело работу с разными группами и отдельными депутатами. Определенное представление о характере этой работы дает Г. Сатаров в соответствующем разделе книги «Эпоха Ельцина»: «Отсутствие в Думе пропрезидентского (проправительственного) большинства заставляло исполнительную власть прибегать к "нестандартным" ходам для "продавливания" своих решений. Фактически это сводилось в той или иной мере к подкупу в виде раздачи льгот, преференций и т. п. для коммерческих структур, стоявших за депутатскими фракциями (группами). Ясно, что чем дальше развивалась эта практика, тем дороже становились депутатские "услуги". По признанию высших руководителей Правительства, наиболее привередливы и алчны были представители аграрного лобби».

Признание Сатарова показывает, как Правительство обеспечивало себе необходимую поддержку в Думе. Однако отметим тот факт, что Сатаров особо выделил только одну фракцию, которая вела лоббистскую деятельность. И эта была фракция левого крыла Думы. Речь идет об аграрной фракции и партии АПР. С нашей точки зрения, оценка, данная Сатаровым позиции фракции АПР, не объективна и не корректна. В ходе радикальных реформ, проводимых в стране, агропромышленный комплекс был поставлен в тяжелейшие условия, и помощь, оказанная аграриям в рамках бюджета, была более чем скромной.

В пятницу бюджет был принят уже утром. За его принятие проголосовали 273 чел. (60,7%). Против – 80 чел. (17,8 %) ¹⁷:

В итоге федеральный бюджет на 1994 г. был утвержден по расходам в сумме 194.495,31 млрд. р., в том числе по бюджету текущих расходов – 144.601,31 млрд. р. и бюджету развития – 49.894,0 млрд. р., и по доходам в сумме 124.477,0 млрд. р.. Предельный размер дефицита федерального бюджета на 1994 год был установлен в сумме 70.018,31 млрд. р. или 36% от суммы расходов федерального бюджета на 1994 г. ¹⁸

Какие фракции обеспечили принятие бюджета, каков был партийный «расклад» при голосовании? Выявить позиции депутатов и фракций можно путем анализа результатов поименных голосований ¹⁹.

Из левых фракций за бюджет на 1994 г. на всех этапах его рассмотрения голосовала фракция АПР. Фракция КПРФ 15 апреля в основном голосовала против постановления о бюджете (21 депутат), но 10 членов фракции, включая Г. Зюганова, голосовали «за». При окончательном утверждении проекта бюджета 24 июня 40 членов фракции проголосовали за бюджет. После голосования был оглашен текст заявления фракции, в котором говори-

¹⁶ Государственная Дума: Стенограммы... Т.6. С. 501, 513, 540.

¹⁷ Там же. С. 632.

¹⁸ Собрание законодательства РФ. 1994. N 10. Ст. 1108; Российские вести. 1994. N 123. 6 июля.

¹⁹ См.: Государственная Дума: Стенограммы... Т. 4. С. 284; Т.5. С. 913; Т.6. С. 746, 780,791.; Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума. Справочник. М.: ИЭГ «Панорама», Фонд развития парламентаризма в России, 1994–1996. Электронная версия: 2000.

лось, что КПРФ считает бюджет не отвечающим интересам народа, но голосует за него только для того, чтобы не допустить «полного произвола Правительства в использовании бюджетных средств»²⁰.

Фракция ЛДПР в ходе предварительного рассмотрения, первого и второго чтения голосовала за бюджет. 22 июня воздержалась при голосовании. При окончательном утверждении проекта бюджета 24 июня фракция проголосовала против бюджета. Накануне голосования Жириновский вел активные консультации с Правительством, и если принять во внимание вышеупомянутое заявление Сатарова, можно сделать вывод о том, что договориться ему с Правительством не удалось.

Фракция ДПР поддержала проект бюджета во всех трех чтениях. 24 июня за принятие бюджета в окончательном варианте проголосовало 11 членов фракции, против – 1 (С. Глазьев), воздержался – 1 (О. Богомолов).

Фракция ЖР всегда голосовала в поддержку бюджета почти в полном составе.

Фракция ПРЕС также почти единодушно голосовала за проект бюджета на всех этапах его прохождения.

Депутатская группа НРП в своем большинстве (от 32 до 49 депутатов) всегда голосовала за принятие бюджета.

Большинство депутатов группы «Либерально-демократический союз 12 декабря» также почти всегда голосовало за принятие бюджета.

Фракция «Выбор России» вначале в основном голосовала против утверждения бюджета. Но во время третьего чтения 45 депутатов во главе с Гайдаром проголосовали за принятие бюджета. Против проголосовали 3 депутата, 17 членов фракции в голосовании не участвовали.

Самым упорным противником бюджета–94 была фракция «Яблоко», которая всегда почти единодушно голосовала против проекта бюджета на 1994 г. Лишь отдельные депутаты (О. Дмитриева, М. Задорнов и В. Лукин) порой воздерживались при голосовании.

Отметим, что в ст. 34 закона о бюджете депутаты определили важнейшие критерии для дальнейшей оценки экономической деятельности Правительства Российской Федерации в 1994 г.: «достижение положительных сдвигов в структуре производства; проведение активной политики по стабилизации экономики, имея в виду замедление темпов экономического спада в 1994 году по сравнению с 1993 годом». Правительству ставилась задача не допустить спада по валовому внутреннему продукту более чем на 8–10 %, по объему промышленного производства – более чем на 12–15 %, снизить темпы ежемесячной инфляции до 7–9 % к концу года²¹.

Бюджетные баталии показали, что возможности депутатов через бюджетные процедуры влиять на экономический курс Правительства РФ были ограничены. Депутатам удалось добиться от Правительства сравнительно небольших уступок, которые принципиально не меняли стратегию экономического развития страны. Кроме того, уже в момент принятия бюджета было очевидно, что он нереален.

²⁰ Государственная Дума: Стенограммы...Т. 6. С. 634.

²¹ Там же.

Так и произошло. Осенью стало окончательно ясно, что бюджет на 1994 год не будет выполнен. 27 октября в Думе был поставлен на голосование вопрос о недоверии Правительству. Постановка этого вопроса была последней конституционной возможностью для депутатов повлиять на экономическую политику правительства. Но это предложение не прошло, так как многие депутаты опасались роспуска Государственной Думы президентом Б.Н. Ельциным. Как уже отмечалось, Конституция предусматривала такое право президента. И оно серьезно ослабляло способность Думы влиять на ход исполнения бюджета. В результате никакой существенной коррекции экономической стратегии не последовало.

Таким образом, первый опыт деятельности Думы по принятию бюджета показал ограниченность возможностей депутатов влиять на экономическую политику правительства через бюджетную процедуру.

I. V. Uzlova

*THE STATE DUMA OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION, FIRST CONVOCATION:
THE BUDGET BATTLES OF 1994*

*The article deals with the first experience of Budget procedure at the State Duma under
the new Constitutio.*

The State Duma, the RF Government, the federal budget

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО БАРОККО (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОГО РЕГИОНА)

Архитектура является одной из составляющих культурного пространства человека. Языком архитектурных форм эпоха стремится выразить свое содержание. Искусство не только создается обществом, но и само формирует его, оно содержит принятые в данном обществе представления о мире и месте человека в нем, о прекрасном и безобразном. Совокупность всех представлений определяет стиль искусства.

Культура, архитектура, мировоззрение эпохи, русское барокко, региональная школа зодчества, культовое строительство, архитектурная форма

В настоящее время изучению проблем развития русской национальной архитектуры региона уделяется особое внимание, и это не случайно. «Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры – развитие понимания культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность» [1]. Развиваясь в рамках определенного культурного региона, архитектура всегда органично связана с его национальной культурой. Она является одним из способов выражения представлений человека о мире, системе материальных и духовных ценностей, норм, правил, знаний, которые, в свою очередь, неотделимы от культурной памяти, традиций, национальной истории, т.е. всего того, что необходимо для выживания и воспроизводства социума в данном геофизическом пространстве.

Культура, по мнению Г. С. Кнабе, проявляется в двух аспектах: «высоком» – в виде идей и мировоззрения эпохи, которые получают оформление в таких сферах человеческой деятельности, как философия, наука, искусство, архитектура, и «низком» – в виде повседневного образа жизни, освоения пространства, месторазвития этноса, стереотипов поведения, привычек, норм пространственного этноповедения. Так, культура формирует особые формы деятельности человека, а человек, в свою очередь, создает единое культурное пространство. Объединяя в себе физическое (определенный ландшафт, поселения с их инфраструктурой) и символическое (все то, что осуществляется в сознании человека, его нормы, обычаи и т. д.), культурное пространство выступает хранилищем и источником человеческой жизни. У каждого этноса свой радиус культурного пространства, который он наполняет в процессе своего исторического развития.

Говоря об архитектуре, важно отметить, что два вышерассмотренных аспекта культуры в архитектуре одновременно создаются, выражаются и трансформируются в пространственных формах и художественных образах. «Высокие» аспекты наиболее выражены в культовой архитектуре, сооружения жилища являются сферой наиболее сложного взаимодействия «высокого» и «низкого» в архитектуре. В иных типах сооружений, таких, как зда-

ния общественного и производственного назначения, «высокое» и «низкое» проявляется в различной степени, от полного следования утилитарному назначению до баланса между художественно-пространственным образом и конструктивно-техническим требованием.

Важным аспектом архитектуры как феномена культуры является характер ее общественного исторического изменения, где она является продуктом и следствием. Смена мировоззренческих представлений общества становится предметом эстетического выражения в архитектуре и искусстве. Архитектура – это остановившееся в камне время, закрепление времени-эпохи в пространстве, где духовное развитие общества становится достоянием истории и вечности.

Таким образом, рассматривая вопрос о способах выражения мировоззрения эпохи, можно отметить, что в созданном руками человека мире, диалоге архитектурных форм, всегда заложено его представление об идеальном универсуме (глобальной структуре мира), к которому стремится индивид в частности и общество в целом.

С введением на Руси христианства языческое мировоззрение трансформируется в новые формы сознания, начинается новый исторический отсчет. Христианство было воспринято прежде всего и глубже всего на уровне художественно-эстетического сознания. Сложнейшие умонепостижимые догматы христианства и богатый мир религиозных переживаний человека ярче всего отразились в цвете и форме. Образ стал основой мышления. Русские люди всегда искали свой путь к Богу, осуществляя это не только через зрение посредством икон или через слух посредством церковного пения, но также через осязание посредством прикосновения (целования) к святыням, через обоняние посредством воскурения ладана и других благовоний и через вкус посредством освященных хлеба, воды и всякого рода освященной пищи. Именно красота культовых предметов выступает своеобразным языком для передачи невербализуемой информации о предметах умонепостижимой сферы бытия. При помощи образов и символов, визуализированных «идей» и внутренних эйдосов каждое произведение искусства выстраивает своего рода модель мира, как бы говоря: «мир устроен так». Это была система духовных ценностей, с ориентацией на которую общество строило свою жизнь. Осмысливая задачи религиозного сознания, население определенного культурного региона, в соответствии с традициями и запросами своих современников, создавало те или иные разновидности декора, придерживалось тех или иных решений строительных или изобразительных задач. Искусство, обретая свое стилистическое единство в определенную эпоху, не просто выполняло изобразительные и строительные задачи, но и выражало тот смысл, что вложила в них религия.

Поначалу язык религии – это всегда язык храмостроительства и религиозного образа. Даже тогда, когда меняются формы, теряя свой старый смысл, идеи и строительные конструкции, этот язык остается единственно понятным языком. В основе архитектурного языка лежит чувственный, познавательный и эстетический опыт, полученный в процессе длительной эволюции развития производственной и духовной деятельности человека. Благодаря этому возникла специфическая система выразительных средств архитектуры, где пространство, архитектурная деталь и т. д. находятся в сложнейших отношениях с закономерностями масштаба, пропорций, ритма, масс. Зодчий в своем творчестве осмысливает эти закономерности как язык формообразования.

Обращаясь к истории искусства, мы можем увидеть множество примеров тому, как художники, деятельность которых находилась в непрерывном конфликте со вкусами сво-

его времени, были либо отвергнуты эпохой, либо сами ею пренебрегали. Но среди них не было и не могло быть ни одного архитектора именно потому, что архитектура не может существовать оторвано от своего времени, быть свободной от социальных функций. С помощью архитектуры человек осваивает пространство. Долгое время именно архитектура лучше и полнее всего воплощала и оформляла представления человечества о мире, Боге, обществе и культуре. Недаром целые культурные эпохи, такие, как готика, барокко, классицизм, названы именами архитектурных стилей.

Архитектурное наследие России очень богато, характерные областные оттенки превращались зачастую в прочные местные традиции. Совокупность определенных местных конструктивных, декоративных и композиционных приемов мы можем рассматривать как региональную школу. Местная школа зодчества, хотя явление самостоятельное, но не изолированное. И, безусловно, на формирование ее стилистических особенностей оказывали огромное влияние столичная архитектура и архитектура соседних областей. Но основой художественных форм зодчества стало мировоззрение заказчиков; купцов, торговцев; древние строительные традиции, формировавшиеся столетиями.

До сих пор мало известна древнейшая история вятской земли, которая вошла в состав современной Кировской области. Глухая окраина Руси оживилась лишь тогда, когда через нее пролегли важнейшие торговые пути, соединившие центральную Россию с Сибирью и Уралом. На развитие местной культуры огромное влияние оказал процесс колонизации края, в результате которого значительная часть марийцев, удмуртов, татар, чувашей и других финно-угорских и тюркских народностей была ассимилирована русскими и приняла христианство. С приходом христианства на Вятку зарождается своеобразный синкретизм в религиозно-мифологическом сознании местного населения, выражающийся как в мирном сосуществовании различных верований, так и в их взаимопроникновении и взаимовлиянии.

Своеобразно переплеталось в рассматриваемый нами временной отрезок в местных формах культуры творчество местных жителей и насельников, искусство народное и официальное, консервативные, охранительные тенденции и новые веяния из европейской России.

Если в Москве к концу XVII в. каменных дел мастера довольно хорошо владели основами строительства их камня, то на Вятке каменное зодчество в это время только зародилось и к середине XVIII в. сложились специфические особенности местной архитектуры, где особое значение уделяется строительству культовых сооружений как выразителю идеологических идей. До конца XVII в. основные строительные работы вели московские мастера. Важно отметить, что в XVII в., во всех сферах культуры церковное начало постепенно вытесняется светским и соборные храмы теряют былую аскетичность. Закономерен тот факт, что чем дальше находится та или иная область от столицы, тем позже «модные» течения и нововведения находят там свое воплощение. Но культура провинции не стоит на месте, она развивается в доступных ей рамках. И когда столичные «вкусы» приходят на такую почву, происходит синтез двух направлений. Привнесенные новшества перерабатываются на основе мировоззрения местных мастеров, в результате возникает новое провинциальное искусство, но на основе столичных норм и эталонов.

Именно в церквях начинает зарождаться стиль «вятское барокко», который сменит «калейдоскопичное узорочье». Специфическими чертами «Вятского барокко» являлись

затейливая резьба «и в пояса, и в окна, и в двери» с чисто неиссякаемой народной выдумкой и с размахом, узорчатые рисунки декоративных наличников, поясков, карнизов и кокошников в различных храмах.

К концу XVII в. Вятка стала довольно крупным центром, через который проходили торговые пути, соединявшие Москву с Сибирью. Многие элементы народных художественных промыслов пришли на Вятку с мастеровыми из Новгорода, Поморья, Устюжской земли. Возможно этим объяснимо сходство объемно-планировочной композиции и элементов декора «вятского барокко» с «русской архитектурой конца XVII века». Но местная особенность – фигурный кирпич, стала определяющей в сложении стилистики наружного декора вятских храмов. Стремясь повторить столичные мотивы, хлыновские мастера создавали свои неповторимые образы. Нужно отметить, что какой-то степени ощутима внешняя близость декоративных элементов «московскому барокко», но в силу специфики мировоззрения вятских зодчих, географических особенностей региона и несовершенства строительных технологий, московские традиции были творчески переработаны на свой «провинциальный» лад. Развитие русской архитектуры к. XVII в. – началу XVIII в., а в провинции значительно дольше, шло преимущественно в русле барокко, сменив «калейдоскопическое узорочье».

Стиль «барокко» – явление очень сложное и неоднозначное, как и само, пожалуй, его название. Термин «барокко» происходит от итальянского *baroque*; *Barok n; style (m) baroque*, *baroque (m)* – странный, причудливый. В Западной Европе архитектура барокко пришла на смену архитектуре Ренессанса с ее логичными композициями. В России, в силу своеобразных национальных черт и особенного пути развития архитектуры, все было иначе.

Большинством искусствоведов и архитекторов принято считать, что первые черты барокко проявились в культовом зодчестве в конце XVII в. Литературоведы называют барокко искусством разноуровневым, многослойным, выделяя «высокое», «среднее» и «низовое» барокко. «Низовое» барокко обращалось к формам народного искусства, соединяя их с формами искусства профессионального» [2]. Так, основными чертами эпохи барокко является дуальность и противоречие. Предпринимаются попытки объединить рациональное и метафизическое – опыт и божественную природу всего сущего, первопричину всех явлений. «...Мир увиденный как бесконечное динамическое единство, и мир как предустановленный миропорядок. Первый из этих миров обнимает собой стихию природы, где действуют иррациональные силы, стихию жизни человеческой, где правит судьба, стихию тела, где властвует страсть и инстинкт. Второй есть иерархическая система ценностей, структура которой основана не на логике объективной закономерности, а на обычае, традиции, вере» [3].

«В провинциальных городах и на селе создавались произведения «низового» (но не низкого!) уровня, рассчитанные на посадский и крестьянский люд. Сами зодчие были плоть от плоти народной массы. Даже постройки, возводимые или для имущих слоев населения, с заимствованиями из арсенала «высокого» (в России XVIII в. это соответствовало столичному), оставались достаточно самобытными» [4]. В провинции не было предпосылок для пышного дворцового и усадебного строительства, которым ознаменовалась эпоха барокко в Петербурге и Москве. Здесь не было необходимостью прославления верховной власти и проводимой ею политики. Творческая деятельность мастеров-каменщиков в отдаленной российской провинции все еще ограничивалась в основном культо-

выми зданиями. Эти храмы обладали крупным масштабом, эффектностью объемного построения, остротой силуэта, богатством внешней и внутренней отделки. Церковные здания, как и в допетровской Руси, доминировали в панорамах городов, возвышаясь над массой почти сплошь деревянной застройки. Подобно лучшим образцам древнерусского зодчества, они прекрасно связывались с рельефом, водными гладами.

Важно отметить, что в столице и близлежащих районах церковные постройки выступали зачастую в качестве памятных знаков тех или иных событий. А также как хранители памяти – общечеловеческой, христианской, конкретно-исторической, связанной с реальным местом и временем. В «новом времени», ко всему прочему, добавилась еще одна функция – прославление славы и могущества всероссийского. На Вятке, в силу специфического мировоззрения, образно-символическое значение культовой архитектуры было иное.

Врастание язычества в христианство шло с болью. Переходя к новой вере, вятичи сохраняли особую знаковую систему и свое понимание красоты, которое раскрывалось в синтезе декоративно-прикладного искусства и монументального зодчества.

Фасады вятских храмов напоминают о глубоких, не исследованных до конца связях между зодчеством и лучшими образцами местных художественных промыслов (белокаменная резьба, кружева Кукарки, дымковская игрушка и др.). Нужно отметить, что на протяжении всего рассматриваемого нами периода именно в обрамлении окон вятские мастера проявили любовь к «калейдоскопическому» убранству из лекального кирпича. Мастера-художники украшали окна тягами- из распространенных в эпоху «узорожья» пар миниатюрных балясинок, а также розеток, аппликативных или в виде рельефных кружков. Так, анализируя декоративное убранство вятских храмов первой четверти XVIII в., мы можем отметить, что для него была характерна та же ярусность членения формы и та же подчеркнутость космической символики верха, что и в национальном костюме Вятской губернии. Обильное декоративное убранство храмов сходно с системой вертикалей и горизонталей в женском костюме. Возможно не случайно широкий пояс, включающий фигурные столбики-балясины в завершении стены храма обильно покрыт архитектурным декором, так же как и грудь, и плечи на женской рубахе и в цокольной части холодного храма пущена балюстрада из декоративных элементов так же, как и на подоле сарафана. Человеческое тело, как и Вселенная в архаичных космологических представлениях, делилось на три части: нижняя, средняя и верхняя. По такому же принципу, на наш взгляд, построено распределение элементов архитектурного убранства вятских храмов первой четверти XVIII в. Оно создается спаренными колонками, над которыми обязательно делается широкий пояс. Этот пояс отделяет полукружия кокошников в завершении стены (Знаменско-Богородицкая церковь с. Пасегово, Екатерининская церковь в Слободском, Хлыновская Покровская церковь). Анализ декоративного убранства храмов позволяет усмотреть его соответствие с представлениями о горизонтальной модели мира, где четыре стороны человеческого тела отождествлялись с четырьмя сторонами света.

Своеобразие вятского убранства храмов заключалось в пластичности, яркой визуальной образности, дробности, декоративности, «пестроты» имевшей в этот период значение внешней красоты, и противопоставлялось «простоте».

Отдельно хотелось бы обратить внимание на использование во внешнем убранстве храмов темы резных раковин, вставленных в полукружия закомар, а также в основание барабанов глав. Такие же архитектурные элементы мы можем видеть в церкви Ни-

колы «Большой Крест» (1680–1688) в Москве, что, несомненно, указывает на влияние со стороны столицы. Эта тема столетие назад при Борисе Годунове использовалась в качестве знака царственности, для выражения династических претензий Годунова. Теперь она в какой-то мере потеряла такую определенность содержания, хотя отголоски в храмовом строительстве остались.

Так, в эстетике рассматриваемого нами периода, видимая красота выдвигается на одно из значимых мест и теснее сближается с красотой духовной. Духовные основания видимой красоты становятся почти самоочевидными. В храмовом искусстве данная тенденция может быть усмотрена «в стремлении предельно (или даже чрезмерно) «нагрузить» видимую красоту духовным содержанием, максимально (с «перегрузкой») использовать видимые формы для выражения невидимого, иногда в ущерб и тому и другому» [5]. Человек эпохи барокко пытался утвердиться, почувствовать собственную значимость во всем. Тем не менее, в провинции человек барокко за разнообразием и пышностью форм прятал свою ранимую, мятущуюся душу, искал утраченную гармонию и согласие. Именно усиление рациональных, интеллектуальных, утилитарных моментов культуры и преобладание их над иррациональной сферой веры способствовало повышению уровня внешней эстетизации культуры, которая ярче всего выразилась в ее особом интересе к барочным формам и элементам, где особое внимание уделяется внешней, видимой, красоте, доступной человеческому восприятию. Дух мирской суеты, пестроты активно проникает в язык культового зодчества. В прошлое уходило время человека-творца, уподобившегося Богу, приближалось время человека Просвещения.

Середина и вторая половина XVIII века в декоративное убранство вятских храмов внесли немного изменений. Пластическое убранство храмов после пышности, нарядности сменяется плоскостностью, упорядоченностью, строгостью, в соответствии с законами и вкусами, которые диктовали Москва и Петербург (Троицкая церковь села Волково, Ильинская церковь села Юрьево, Дмитриевская церковь села Пантыл, Спасская церковь села Вяз).

Европеизация повлекла за собой смену ориентиров, ценностей, художественных традиций.

В оригинальных, порой по провинциальному наивных и очаровательных постройках выразился самобытный тип культуры Вятского региона, мировоззренческие представления которой – бытовые и ритуальные стереотипы поведения, знаковая информация и само пространство жизнедеятельности – обрели синтетическое архитектурно-художественное выражение и культурно-символическую знаковость. Архитектура является единственным искусством, в котором мирозозидающий аспект выражен в чистом виде. В ней нет места негативному отношению к общественному развитию, нет критики общества, архитектура выражает только все позитивное, идеологически оформленное культурой данного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М.: Изд-во МГУ, 1984.
2. Софронова Л. А., Липатов А. В. Барокко и проблемы изучения славянских литератур и искусств // Барокко в славянских культурах. М.: Наука, 1982. С. 3–13.
3. Свидерская М. И. Барокко XVII столетия. Система художественного видения и стиль // Художественные модели мироздания / Под ред. В. П. Толстого М.: Изд-во НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, 1997. С. 149–173.

4. Каптиков А. Ю. Каменное зодчество русского Севера, Вятки, Урала XVIII в.: проблема региональных школ. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.
5. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М.: Мысль, 1992.

A. V. Vorobiova

PECULIARITIES OF RUSSIAN BAROQUE (ON THE EXAMPLE OF THE VIATSK REGION)

Architecture is one of the components of the human cultural space. The epoch tends to express its content through the language of architectural forms. The art is not only created by the society, but it itself forms the society. It contains some accepted in the society notions about the world and the role of people in it and also about beautiful and ugly. The set of all these notions determines the style of the art.

Culture, architecture, epoch outlook, Russian baroque, regional school architecture, cult construction, architectural form

УДК 001.4

Р. Е. Гергилов

ВОЙНА И КУЛЬТУРА

Исследуются социально-антропологические аспекты войны. Рассматриваются различные практики воспитания воинов. Прослеживаются следы архаичных технологий в современной военной подготовке.

Война, насилие, жертва, героизм

Вопрос, почему люди ведут войны, порождает, по окончании каждой из них, очередную теорию. Наполеоновские войны, распространившие рационалистический дух французской революции, навели прусского офицера Клаузевица на мысль о том, что война, сама по себе, является рациональным, не зависящим от эмоций предприятием. Характеристика Клаузевицем войны как «продолжения политики иными средствами» предполагает политику, которая, со своей стороны, покоится на подобной трезвой взвешенности, свойственной шахматной игре. В то время основными актерами на арене всемирной истории были национальные государства, а война была лишь одним из средств, среди прочих, для достижения ими своих целей. Если представить эти национальные государства в образе неких сверхличностей, то любое военное сражение может выглядеть не более волнующим и иррациональным событием, чем, например, сложные переговоры в любой договорной сфере, включая и торговую, хотя любой из погибших в бою мог быть иного мнения. Через сто лет после наполеоновских сражений в Европе и Северной Африке Первая мировая война вносит свои коррективы в ответ на вопрос «Что же гонит человека на войну?». «Рационально» объяснить эту войну было сложно, особенно поколению европейских интеллектуалов, которые пережили ее и, – как, например, З. Фрейд, – могли задуматься над ее смертельной жатвой. В большинстве учебных пособий по истории и исторических монографиях говорится о том, что «большая война» возникла из конфликта «конкурирующих империалистических государств». Однако такая трактовка, в стиле Клаузевица, не отражает ряд случайностей и коммуникационных нарушений, вовлекших народы Европы летом 1914 г. в войну [1. Р. 166].

На сегодняшний день существуют две теории войны. Первая рассматривает войну как достаточно рискованное средство для реализации коллективных интересов и путь к дости-

жению лучших условий жизни (нехватка территории). Вторая – рекомендует искать причины войн в иррациональных влечениях и склонностях человека, подобных тем, что толкают отдельного индивида к совершению преступления. На сегодняшний день создается впечатление, что большинство исследователей придерживается одновременно двух теорий. Этот дуализм выглядит следующим образом. С одной стороны, война – это средство, направленное на реализацию, в конечном счете, материальных групповых интересов, с другой – удовлетворение глубинных «иррациональных» психологических потребностей человека. Против первого тезиса, на наш взгляд, возразить нечего. В самом деле, кажется очевидным, что войны ведутся с явной или подспудной целью получения в свое распоряжение будь-то пространства, полезных ископаемых или же неких «геополитических дивидендов». Намного более мистический характер имеет собственно психологическая составляющая войны.

В 60–70-е годы прошлого века повсюду дискутировалась тема «психологии войны» и, прежде всего, так называемая склонность человека к «агрессии» (в частности мужчины). Здесь не место излагать суть этих дискуссий; бесчисленные примеры из области исследования поведения животных и спор о том, что именно следует отсюда перенести на сугубо человеческую сферу, уже давно и хорошо известны. В этой связи стоит лишь подвергнуть сомнению тезис о том, что «склонность к агрессии» является основным источником войны.

Не вызывает сомнений то, что в пылу сражения под влиянием агрессивных импульсов человек способен на убийство. Но даже этот тезис следует квалифицировать в соответствии с вооружением индивида и методом борьбы. «Ближний бой» вызывает ярость и агрессию вероятно и потому, что тела участников схватки находятся в большом мускульном напряжении. При применении такого «дистанционного» оружия как лук, стрела или арбалет, напротив, любое проявление эмоций является нежелательным, так как под вражеским обстрелом жизненно важно соблюдать спокойствие с тем, чтобы точнее брать врага под прицел. С появлением в XV–XVI вв. огнестрельного оружия облик идеального воина претерпел существенные изменения. Теперь стало неразумным демонстрировать врагу свою «дикую агрессивность», так как враг в таких случаях выражает лишь «пассивное презрение». Таким образом, нет жестко установившегося типа личности воина – с «горячей кровью» или «хладнокровного и мужественного», участвующего в любой войне.

Кроме того, само сражение является лишь составным компонентом предприятия, называемого войной. Войны – это не драки на дискотеке, в увеличенном масштабе, не соседская потасовка из-за разбитого мячом оконного стекла. На войне борьба идет в рамках заблаговременно запланированных сражений. И все же, войны не сражениями начинаются, да и заканчиваются не ими. Война состоит прежде всего из подготовки к предстоящим сражениям – теоретической и физической подготовки личного состава, создания интенданской логистики, способности переброски войск, т. е. действий, которые невозможно объяснить врожденным внутренним побуждением. И можно ли вообще представить себе влечение, толкающее человека к тому, чтобы оставить свой дом, коротко остричь волосы и ежедневно по несколько часов заниматься муштрой. Этнологи К. Кребер. и Б. Фонтана утверждают, что «между вероятно врожденной склонностью к агрессии и ритуализированной, социально признанной и институционализированной войной пролегает огромная дистанция» [2. Р. 165].

Иначе говоря, война как вид активной деятельности, намного сложнее, чем это может показаться на примере склонности индивидуальной психики к агрессии; она имеет ярко вы-

раженный социальный характер. Встретив в бою своего первого врага, особенно в рукопашной схватке, человек заколет его, руководствуясь лишь инстинктом самосохранения, но никакой инстинкт не организует подкрепление, не поставит своевременно вооружение, форму или передислоцирует армию из пункта А в пункт В. Это, как пишет В. Фокс, есть не что иное, как высоко организованные, сложные и четко скоординированные операции, выполняемые не отдельными индивидами, а структурами большого порядка: институтами и учреждениями на общегосударственном уровне. «Гипотеза инстинктивного убийцы, – отмечает он, – не столько неправильная, сколько не имеющая большого значения» [3. Р. 12].

В Европе, начиная с XVII в., превращение мужчины в солдата шло более планомерно и дисциплинированно, что было, вероятно, менее приятным, чем принятие возбуждающих средств. Теперь «из бесформенной массы, непригодной плоти можно было сделать требуемую машину», а гражданскому лицу «придать облик солдата» [4. С. 198]. Как новобранцы, так и старослужащие подвергались ежедневной муштре до тех пор, пока не начинали чувствовать себя частью огромной военной машины. За этим экзерцизом стоит не только техника огнестрельного оружия; обучить мужчину пользоваться оружием не составляет большого труда. Но как научить его тому, чтобы, находясь под обстрелом, он должен не только выстоять, но и вести ответный огонь по противнику? Современная подготовка солдат дополнительно предполагает и методику превращения молодого человека в воина, свойственную «примитивным» обществам, с использованием барабанного боя и боевой маскировки. В ходе обучения солдатской профессии молодой мужчина оставляет свою прежнюю идентичность (вплоть до сдачи паспорта) и «возрождается» как милитаристское творение, как автомат, который, в идеале, готов добровольно убивать других.

Из всего вышеизложенного вовсе не следует, что убийство чуждо природе человека (мужчины). Мужчины, равно как и женщины, в состоянии импульсивно и с удовольствием убивать. Но между обычной дракой и войной существует огромная разница. Война – это не отклонение от нормы; она «переворачивает» мораль и право. В ходе войны следует убивать и воровать, сжигать города и села, насилловать женщин и детей врага. Военное руководство зачастую не обращает на это особого внимания. Солдат в таких случаях подобен средневековому рыцарю, который «располагает чрезвычайно большой свободой в проявлении чувств и страстей;... может предаваться первобытным радостям земным, беспрепятственно удовлетворять и свои сексуальные аппетиты, и свою ненависть, уничтожая своих врагов и подвергая их мучениям» [5. С. 244]. Большинство мужчин способно на это, учитывая «измененное» в ходе подготовки к бою состояние.

Привилегией глубинного психологического превращения при переходе от мира к войне пользуются не только воины. Общество в целом может попасть в поток «измененного состояния», признаками которого являются интенсивные эмоции и фиксация на коллективных тотемных символах, священных образах и предметах. В наши дни – это знамена или, например, желтые ленточки во время недавней войны в Ираке. Историческим примером «измененного состояния» общества модерна может служить взрыв восторга гражданского населения и потенциальных рекрутов, вызванный известием о начале Первой мировой войны. Впрочем, этот восторг не имел ничего общего со смертью, уничтожением других народов или «империалистической экспансией»; речь шла о чем-то возвышенном и благородном.

Чувства, переполнившие в 1914 г. Европу, не имели ничего общего с ненавистью, злостью и жадностью. Напротив, речь шла о самых «благородных» чувствах, каковыми люди только могут обладать: великодушие, солидарность и самопожертвование. Не существовало почти никакой разницы между восторгом войны и эмоциональным субстратом социалистического движения, обещавшего землю, хлеб и мир. Для большинства представителей высших и средних слоев общества война принесла освобождение от скуки, обещание желаемого гармоничного сообщества, вне всяких классовых границ. Вскоре после окончания Первой мировой войны американский психолог Г. Э. Пэтридж выдвинул тезис о том, что доминировавшее в годы войны настроение, несмотря на ее ужасы, можно характеризовать как «экстаз» [6. Р. 23].

Составными частями этого экстаза были: героизм, «участие в эпохальном событии», «опьянение победой», «радость преодоления смертельной боли» и, как квинтэссенция, «упоение гармонией, граничащей со всеобщим братством», чувство гордости каждого человека быть составной частью огромной массы, находясь в которой можно позабыть о повседневных обязанностях и, шествуя по улицам, быть свидетелем такого «большого события», как объявление войны. Всего этого было достаточно для приведения в экстаз миллионов, которым не грозила отправка на фронт.

Пэтридж предполагал, что это чувство самозабвения, растворения в «огромной целостности» свидетельствует о том, что война представляет собой попытку удовлетворить психологические потребности в любви, религии и искусстве. [6. Р. 22] Р. Стромберг пишет о добровольцах Первой мировой войны. «Конечно, они нашли ад, но искали они не его. Ими руководило не выдвинутое Фрейдом стремление убивать, калечить и пытаться людей; то, что они ощущали сравнимо больше с любовью» [7. Р. 190].

Эмоции и чувства, вызванные началом Первой мировой войны, были подобны чувствам, пробуждаемым религией. А. Тойнби, как и многие его коллеги, тоже попал в «поток» первой мировой войны, результатом чего было множество «пропагандистского» материала, вышедшего из-под его пера. Впоследствии он сожалел об этом кратковременном приступе милитаризма и защищал тезис о том, что в ходе европейской истории война превратилась в некий эрзац религии в той мере, в какой традиционные культурные формы утратили свое влияние над людьми. «Человек нуждается в духовной пище. Сегодня он ищет ее не столько в церкви, сколько в светском государстве. Она предстает перед ним в виде милитаристского национализма с обожествлением войны как фундаментального символа веры» [8. Р. 18].

На наш взгляд, утверждение, что война на эмоциональном уровне сродни религии, не несет никакой моральной нагрузки в рассуждениях об этих двух древнейших институтах. Речь идет о целостном элементарном уровне, который может манифестироваться как, например, на митинге рабочих, так и встрече шовинистов, или на всенародном празднике. Люди, объединенные единой целью и собравшиеся в большом количестве, ощущают порог их коллективной силы, чувство, которое они проецируют на бога, государство или на народ в целом. «Единый народ – непобедим!» – скандируют левые движения Латинской Америки. В XIX в. Г. Лебон говорил о том, что, находясь в массе, глупцы, неучи и завистники теряют чувство собственного бессилия. Вместо него пробуждается сознание грубой, хотя и преходящей, но чудовищной силы. В качестве отдельного индивида мы слабы, но с Богом, «Отечеством» или «рабочим классом» становимся чем-то большим – сильными и неодолимыми.

При этом речь идет о некоем величии человека, которое, парадоксальным образом, может возникнуть как при проведении митинга в пользу войны, так и – антивоенного митинга. Чаще всего это состояние достигается в том случае, если массы заклинаят какого-либо врага (Аль-Кайеду, военно-промышленный комплекс или глобальный капитализм). В этом случае возрастает процентное содержание адреналина в крови и масса становится единой. Перед лицом огромных различий – моральных, культурных, иногда расовых («фрицы», арабы-исламисты, евреи) – исчезают «малые» различия (например, классовые). На массовом митинге или спонтанном скоплении народа многие могут пережить превращение, сходное с превращением человека, становящегося воином. «Древний» воин голодал, принимал наркотики, танцевал всю ночь напролет, «становился» медведем, волком или чудовищем. Так же и масса отказывается от нормы и превращается в существо, большее суммы его составных частей и более сильное, чем каждый в отдельности. Примером может служить сообщение Н. Элиаса, посещавшего митинги, на которых выступал Гитлер. Ему казалось, что люди постепенно теряют свою индивидуальность и превращаются в не очень разумное, но чудовищно сильное существо, с неполным рассудком и, поэтому, способным на все. Речь идет об элементарном чудовище, лишенном способности рассуждать и наделенном лишь немногими, но очень разрушительными страстями. «В течение короткого времени толпа нацистов превратилась из кучки новичков в чудовищную силу. Чудовище осознавало свою огромность и упивалось чувством своего могущества» [9. S. 83].

Но к «религии» войны относится не только восторг самих массовых митингов и сражений. И в период между войнами многое напоминает о коллективном опьянении, которое вызывает грозящая или прошедшая война. В мирные годы вождь племени может рассматривать свою коллекцию вражеских черепов или подобных трофеев; римский император – победные стеллы и посещать храмы Марса и Миневры. В Европе эпохи модерна братские могилы и военные памятники являются «священными» местами новой «цивилизованной» религии. За ними с любовью ухаживают и регулярно украшают. Могила «неизвестного солдата» вызывает особое волнение, напоминая о моральной трансценденции войны. В ходе войны, ради великого дела, может бесследно исчезнуть каждый, но даже как безымянный солдат, он или его слава, освящая его смерть, продолжают жить в символе вечного огня.

С наступлением эпохи модерна и возникновением национальных государств война и свойственная национализму готовность к войне становятся силами, обеспечивающими государству единство, а каждому индивиду трансцендентное чувство осмысленности жизни. Сегодня религиозные функции войны ощутимы даже в обстановке мира. Ни одно торжественное событие на государственном уровне не проходит без барабанного боя и стоящих по стойке «смирно» солдат. Никакая инаугурация президентов, коронация монархов, никакой общенациональный праздник не обходится без солдат в качестве «украшающего дополнения». Государство, не имеющее вооруженных сил, содержит, по возможности, парадный полк солдат. Даже у Ватикана, который мог бы избежать псевдорелигиозной помпы, есть гвардия швейцарцев.

Для многих поколений Европы и Америки слово «жертва» имеет военные коннотации. В лексиконе религиозного милитаризма фраза «пожертвовать своей жизнью» отражала высшее достоинство воина. Поэтому какие-либо моральные оценки физического уничтожения врага

отходили на второй план. Гибель на войне была не какой-то неудачей, а, напротив, узловым моментом всего предприятия. «Лишь в жертвенной смерти мы достигаем счастья» – писал в годы гражданской войны в США Т. Кернер [10. S. 70]. Философами и культурологами уже установлено большое сходство христианской символики и ритуалов со святостью солдатской жизни и смерти. Война сравнивается с последним причастием, смерть солдата – с мученической смертью Христа. На почтовых открытках военных лет часто изображались упокоенные мертвые тела солдат, без видимых ран и увечий, с летающими над ними ангелами.

Конечно, не все представители европейской культуры и не во все времена рассматривали войну как возможность прекрасной жертвенной смерти (принести свою жизнь на алтарь отечества). Тем не менее, эта точка зрения широко распространена не только в индустриальных городских культурах. В своем исследовании феномена войны у «примитивных» народов американский этнолог Т. Тарни-Хай приводит множество примеров подобной готовности к жертве, свойственной племенным культурам. Он сообщает о том, что, например, на полинезийском острове Мангайя благородный тиора по приказу религиозного вождя, ни на минуту не задумываясь, пожертвует в бою своей жизнью [11. P. 214]. А в мемуарах Юлия Цезаря говорится о готовности аквитанской военной элиты пожертвовать своими жизнями. Перед сражением они клялись: либо погибнуть всем в бою, либо во избежании пленения, лишиться себя жизни. Племенам американских индейцев также была свойственна практика «невозвращения». Если индеец племени крау «торжественно пообещал врагу свое тело», то это значит, что он готов к бою, в котором он заведомо потерпит поражение [11. P. 213].

Самопожертвование имеет место при наименее «рациональных» поступках человека. По сей день этнологи спорят о том, «рационально» ли в материальном или биологическом смысле сражаться за родину, свою семью или из мести. Тем не менее, аргумент мужчины, что он, подобно римскому солдату, сам расстанется с жизнью или умрет где-нибудь без чести, не продолжив своего рода, подобно воинам племени крау, поклявшимся это сделать, с биологической точки зрения неубедителен. «Поэтому, в конечном счете, ведение войны, не в интересах отдельного индивида, так как у мертвых нет никаких интересов вообще» – пишет военный историк М. Кревел [1. P. 158].

Человек, отдающий должное цинизму, мог бы религиозность войны представить как простую мистификацию, характеризуя все разговоры о «жертве» и «славе» как болтовню, служащую тому, чтобы ввести в заблуждение насильно мобилизованных рекрутов и привести их в состояние военного восторга. В одном он был бы прав: последствия войны – сожженные деревни, разбомбленные города, плачущие сироты, пленные – всегда одинаковы, независимо от того, желали ли солдаты положить свои жизни на алтарь отечества или руководствовались менее торжественными мотивами – мести или наживы. Такая точка зрения оправдывает желание большинства исследователей при изучении феномена войны как можно меньше уделять внимания высокопарным словам и торжественным ритуалам, а больше концентрироваться на технике и социокультурных последствиях войн. Невелика библиография авторов, занятых изучением эмоциональной стороны войны и придающих ей глубокий религиозный смысл.

Тем не менее, существуют, все же, основания серьезно отнестись к религиозной стороне феномена войны. Во-первых: о войне сложно судить с помощью этических аргументов. Человечеству уже давно известно, что война любую «нормальную» мораль превраща-

ет в ее противоположность. Для того чтобы понять, что война, в соответствии с любой разумной нормой, есть преступление, нет нужды вдаваться в учение Христа или осваивать плоды Просвещения. Еще в V в. до н. э. буддизм осудил войну, а столетие спустя китайский философ Мо Ти неповторимо коротко и ясно высказался о войне: «Если один человек убьет другого, оправдания этому нет; его следует приговорить к смерти. Если же человек убьет десятерых, то его преступление в десять раз тяжелее и его стоит десять раз приговорить к смерти. Если же маленькое преступление – это, все же, преступление, то большое преступление, например нападение на другое государство, встречаются аплодисментами; можно ли тогда считать, что всем известна разница между справедливостью и несправедливостью» [12. Р. 22]. Но и Мо Ти отмечал, что война пробуждает страсти, которые кажутся ее участникам столь же «оправданными», как и антивоенные аргументы.

Второе основание связано с религиозным характером войны. Оно выражается в том, что мы узнаем нечто о свойствах человека, о «человеческой природе» или, применяя старое клише, о «проблеме зла». Иные живые существа, – среди них наши ближайшие родители шимпанзе, – убивают регулярно своих собратьев. А некоторые виды муравьев убивают друг друга в столь больших масштабах и делают это так искусно, что можно, без преувеличения, говорить о «войне».

Многое говорит о том, что у человечества всегда существует соблазн, рассматривать войну как нечто сакральное. Конечно, не все войны пробуждали такие эмоции как Первая мировая, Вторая мировая имела намного резче выраженный идеологический характер. Но, тем не менее, установлено, что люди в состоянии в акте убийства видеть священнодействие. Значит ли это, что не существует более злобного существа, чем человек? Или наоборот: говорит ли наша потребность превращать убийство в сакральный акт о том, что в глубине души мы все-таки существа моральные? Бестии ли мы, потому что воюем, или ангелы, потому что часто пытаемся превратить войну в священный акт? Вопросы эти и по сей день остаются открытыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Creveld M. The transformation of War. N.Y., 1991.
2. Kroeber C. B. Massacre on the Gila. Tucson, 1986.
3. Fox R. Fatal Attraction: War and Human Nature//The National Interest. 1992/93. Winter.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
5. Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 2. М., 2000.
6. Pattridge G. E. The Psychology of Nations. N.Y., 1978.
7. Stromberg R. Redemption by War. Lawrence, 1982.
8. Toynbee A. A Study of history. London, 1957.
9. Elias N. Studien ueber die Deutschen. Frankfurt/Main, 1992.
10. Mosse G. Gefallen fuer das Vaterland. Stuttgart, 1993.
11. Turney-High. Primitive War. Columbia, 1949.
12. Sun Tzu. The art of War. London, 1971.

R. Ye. Gergilov

WAR AND CULTURE

Social and antropogenic aspects of war are studied. Different practices of warriors training are considered. Traces of archaic technologies are traced in modern military training.

War, vionce, victim, heroism

ОСОБЕННОСТИ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ И МОСКВЕ, ИЗДАННЫХ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Анализируются путеводители по двум крупнейшим городам России первой половины XIX века с точки зрения развития жанра написания путеводителей в данный период. Путеводители сравниваются между собой по названию, содержанию и цели написания. В результате прослеживаются отличия между петербургскими изданиями и московскими.

История краеведения, Санкт-Петербург, Москва, XIX век, путеводитель

В современном понимании «путеводитель» – это «справочное издание, содержащее необходимые сведения для поездки, путешествия или помогающее ориентироваться среди выставленных для обозрения материалов» [1. С. 564]. До середины XIX в. определение «путеводитель» по отношению к справочному изданию авторы-составители использовали достаточно широко, в то время как в словарях за определенным видом литературы о городе оно еще не закрепилось. В авторитетном словаре, изданном в середине XIX века Академией наук, приводилось только два значения слова «путеводитель»: во-первых, «ведущий по пути; вожатый, проводник» и, во-вторых, «руководитель, наставник» [2. С. 530]. Нет ничего удивительного в том, что вскоре и книга, с помощью которой можно пройти некий путь, стала носить название «путеводителя». Однако это произошло несколько позже. В данной статье предлагается проследить изменения, сопровождавшие издания справочного и описательного характера, которые их авторы называли «путеводителями». В первую очередь, нам будет интересна обоснованность выбора такого рода названия и типичность самих изданий.

В данной статье не будут рассматриваться многочисленные статьи, написанные в жанре «прогулок» по городу или его окрестностям и опубликованные в периодических изданиях или отдельными брошюрами. Хотя они и ориентированы на то, чтобы провести читателя по тому или иному району города или близлежащей местности, но по своему объему довольно незначительны, не содержат систематических сведений о городе и, скорее, похожи на небольшой художественный рассказ, т. е. не носили справочного характера.

Книги, которые проанализированы в статье, разделены на две группы. К первой группе мы отнесли те публикации, которые сами авторы называли «путеводителями». Ко второй группе отнесены те издания, которые получили самые разнообразные названия, но с современной точки зрения обладают признаками «путеводителя».

Справедливости ради, необходимо отметить, что литераторы задумывались над названием публикаций и некоторыми своими идеями делились с читателями. В 1824 г. Н. А. Полевой в письме к редактору журнала «Сын Отечества» так описал свое понимание названия «путеводитель»: «это небольшие книжки, обыкновенно карманного формата, в которых собрано все, что известно любопытного о памятниках, зданиях, жителях, нравах, обычаях и проч. и проч. какого-нибудь города и которые имеют под рукою [как говорится] при обозрении онаго, дабы не упустить чего-нибудь и избавиться от труда перебирать

и иметь с собою множество разных книг; впрочем путеводители годятся для удовлетворения любопытства только любителей, а не знатоков» [3. С. 177]. Отзыва это письмо не получило, поэтому нам остается лишь принять к сведению одну из возможных интерпретаций названия «путеводитель». Нельзя не заметить, что речь идет о кратком описании города, полноценном и всестороннем, но удобного формата, скорее, для приезжего, чтобы по пути следования пополнять свои знания о различных городских достопримечательностях. Для перехода к современной интерпретации не хватает одного элемента – отличительной особенности «путеводителя» – особого «формата» расположения материала.

ПУТЕВОДИТЕЛИ по Санкт-Петербургу.

В первую очередь, обратимся к изданиям, названным своими авторами «путеводителями», и попытаемся понять, почему именно это название показалось им наиболее уместным.

В 1820 г. вышел путеводитель, переведенный с немецкого языка, автором которого был библиотекарь великого князя Константина Павловича – Федор Андреевич Шредер [4]. Книга состоит из семи глав, среди них – «общее обозрение» города; топографическое описание столицы; краткое описание «достопамятностей»; государственное управление и высшие присутственные места; публичные увеселения; фабрики, промышленные предприятия и торговля. Основную цель своей работы Ф.А. Шредер видел в том, чтобы «представить обозрение всего любопытного, что путешествующего занять может, и соблюсти середину между сухим наименованием предметов и слишком подробным описанием» [4. С. V].

В своей работе Ф. А. Шредер перечислил известные ему сочинения о Петербурге, среди которых были и описания города, и статистическое описание государства Российского. Приведенный автором список использованной литературы и ее характеристика [4. С. IV], а также подход и цель написания книги не позволяют причислить ее к «путеводителям» в современном понимании. Перед нами не что иное, как краткое описание столицы. Однако, учитывая, что именно так понимали значение «путеводителя» в тот период, можно предположить, что название автором выбрано не случайно, а продуманно.

Известен развернутый отзыв на данное издание, помещенный в журнале «Сын Отечества» [5. С. 85–88]. Оценивая работу, проделанную Шредером, автор, пожелавший остаться неизвестным, в целом настроен благожелательно: «Г. Шредер изданием сей книжки сделал приятный подарок приезжающим в нашу северную столицу» [5. С. 85]. Такое мнение не совпадало с замыслом самого Шредера, считавшего свой труд полезным и для жителей столицы [4. С. II]. Видимо здесь также мы имеем дело с разным пониманием значения «путеводителя». Автор ставил перед собой одну задачу, а критик, ориентируясь по заглавию, счел труд направленным на приезжих.

Основной недостаток книги критик видел в том, что автор написал ее на немецком языке, а переводчик «постарался, чтоб это видно было на каждой почти странице» [5. С. 87]. Здесь же были перечислены многочисленные искаженные известные имена и названия [5. С. 88]. Впрочем, несмотря на замечания, заключение статьи оптимистично: «сия полезная книжка вскоре будет распродана, и при втором ее издании выведены будут сии неприятные для глаз чернильные пятна» [5. С. 88].

Нам остается только предполагать, были ли отмеченные недостатки заметны взгляду лишь просвещенного жителя города или заметившие их читатели сочли недостатки малозначимыми, или же путеводитель вовсе не пользовался спросом, но, так или иначе, его переиздания не последовало.

Прошло 20 лет, прежде чем увидел свет второй «путеводитель» по Санкт-Петербургу, составленный Иваном Ильичом Пушкаревым. На этот раз, следуя идее автора, путеводитель был направлен исключительно на приезжих, причем, не иностранцев, а представителей Российской провинции. И. И. Пушкарев предполагал написать краткое руководство для обозрения Санкт-Петербурга, его исторических памятников, окрестностей и всех достопримечательностей. С этой целью он издал «краткое описание Санкт-Петербурга, под названием Путеводителя», переиздав в сокращенном виде свое же «Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С. Петербургской губернии» [6]. Даже представленный план города не был изменен. Справедливости ради, следует отметить, что автор в особом дополнении привел перечень произошедших за 4 года изменений.

Публикация И. И. Пушкарева, таким образом, не внесла нового в понимание значения «путеводителя». Он, наравне с Ф. А. Шредером, понимал под книгой с таким названием не что иное, как сокращенное «описание», что не совпадает с современной интерпретацией «путеводителя». Единственное, что отличает замысел авторов – это направленность своих «кратких описаний»; в первом случае книга была рассчитана на местных жителей и приезжих, во втором – только для приезжих.

Других изданий, получивших название «путеводителей», до середины XIX века не было опубликовано, зато в 1838 г. появилась книга, содержание которой позволяет причислить ее к «путеводителям», хотя автор В. Бурьянов [Бурнашев] и предпочел назвать ее «прогулкой по городу и окрестностям» [7]. Весь материал, представленный в работе, взят из нескольких изданий, перечисленных во введении. Кроме них, В. Бурьянов рекомендовал литературу, необходимую для более глубокого изучения местности и план города. Авторской является лишь разработка подхода, весьма оригинального и удобного. Впервые отдельное издание о Санкт-Петербурге было разделено на главы, каждая из которых представляет собой маршрут, включающий осмотр нескольких достопримечательностей, а также исторический, статистический, географический, топографический и отчасти этнографический обзоры. Такая занимательная подача информации должна была быть интересной и детям, и взрослым. К тому же, удобный формат издания давал возможность брать книгу с собой и проводить экскурсии.

Этой книгой мы заканчиваем обзор «путеводителей» по Санкт-Петербургу, изданных в первой половине XIX века. Из трех публикаций две названы «путеводителями», но их содержание не совпадает с современными представлениями о такого рода изданиях. С другой стороны, книга, которую мы могли бы назвать «путеводителем», названа совершенно иначе. Пока данное различие свидетельствует лишь о том, насколько по-разному в первой половине XIX века и сейчас воспринимается содержание краеведческих изданий.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО МОСКВЕ значительно более разнообразны, чем путеводители по Санкт-Петербургу. В данной статье мы охарактеризуем и проанализируем содержание только тех групп, которые можно сопоставить с аналогичными изданиями по Санкт-Петербургу. В связи с таким подходом исключаются «исторические путеводители», являвшиеся, скорее, описаниями города, во-первых, из-за большого объема (изданы в 4 томах), во-вторых, из-за всестороннего и глубокого изложения истории и достопримечательностей Москвы. Кроме того, в статье не учитывались публикации, обладавшие чертами и путеводителей, и справочников (ад-

ресных книг), поскольку это особый вид изданий о городе, которые содержали лишь некоторые черты «путеводителей». К тому же сами авторы признавали особенное значение своих публикаций и не случайно называли их «указателями» или «справочниками».

В первую очередь обратимся к книгам, названным «путеводителями». Первая из них была издана Львом Максимовичем в 1792 г. [8]. Автор подробно описал соборы и монастыри, а также разделил издание на четыре части, соответствовавшие четырем частям города. В начале каждой части содержалось ее краткое описание, а в конце – количество дворов, лавок, улиц, переулков и кварталов. справочный материал расположен таким образом, что в нем легко ориентироваться и, руководствуясь приведенными сведениями, совершить прогулку по городу.

Следующий путеводитель был переведен с французского языка. Его автор, Леокоент де Лаво, составил топографическое описание Москвы, однако в переводе Сергея Глинки 1824 г. [9] книга носит название «Путеводителя». Насколько было оправдано это название? Текст разделен на 12 глав. В них отражены: история России с момента основания Москвы до царствования Петра I, топография и статистика Москвы, описаны исторические памятники и церкви, перечислены правительственные учреждения, учебные заведения и т. д. Автор не делит описание города по частям [районам], отступив от принципа составления путеводителей, но и не дает систематического описания города. В целом признаков, присущих «описанию» в данном издании больше, чем черт, характерных для «путеводителя».

В предисловии к книге С. Глинка отметил, что кое-что дополнил, а кое-что дописал от себя. Кроме того, он учел замечания, напечатанные в журналах «Сын Отечества», «Инвалид» и «Вестник Европы», по поводу выхода в свет этой книги на французском языке. Переводчик признался, что он старался не менять общую идею и направленность французского издания. Потому, с нашей точки зрения, переименование, сделанное переводчиком, не оправдано.

Публикация книги де Лаво вызвала неоднозначную реакцию в среде литераторов. Если А. Корнилович [10], [31], отметив недостатки работы, благоприятно отнесся к публикации, то Н. Полевой [11] считал, что недостатки издания значительно более существенны, чем его достоинства: «никто не пожалел бы, что иностранец упредил Русских описанием Москвы» [11. С. 215].

«Новый путеводитель», изданный в 1833 г. [12], содержит краткое топографическое и статистическое обозрение, а также описание достопримечательностей всех частей города. В приложении путеводитель предлагает читателю маршруты прогулок по окрестностям Москвы.

Таким образом, авторы двух книг, назвавшие свои сочинения «путеводителями», понимали, чем их труды должны отличаться от публиковавшихся в тот период описаний, и выбрали соответствующее название. Автор же перевода, переименовав оригинал, не смог обосновать сделанного выбора.

Как и в случае с петербургскими изданиями, нашлась книга о Москве, которая была названа «прогулкой», но может быть признана «путеводителем». Она была издана в 1841 г. под названием «Москва и окрестности. Летние прогулки воспитанников 1-го Московского Кадетского корпуса» [13]. Текст, написанный от первого лица живым разговорным языком, разделен на три части: История города; Корпус и кадеты; Прогулка первая. Сухарева башня. [Другие прогулки обнаружить не удалось.] Предполагалось, что кадеты, держа в руках маршрут, пройдут путь от Кадетского корпуса до Сухаревой башни, а по дороге им расскажут о встретившихся на пути достопримечательностях. Книга маленького, карманного формата, приспособленная для того, чтобы ее можно было взять в дорогу.

Эта публикация аналогична книге Башуцкого о Санкт-Петербурге. Если бы было издано ее планировавшееся продолжение, она бы могла считаться полноценным путеводителем. Однако в том виде, в котором она доступна в настоящее время, т. е. с одним маршрутом, она может считаться лишь попыткой составить путеводитель по Москве. Тем не менее, следует признать, что выбор авторами названия, в котором содержалось бы слово «прогулка», однозначно свидетельствует о намерении создать путеводитель современного образца.

Подводя итог обзора путеводителей, надо отметить, что названия сочинений о Москве были продуманы их составителями и отражали их содержание значительно лучше, чем названия публикаций о Санкт-Петербурге. До середины XIX в. путеводители и описания городов в современном понимании значений слов «путеводитель» и «описание» встречались крайне редко, и поэтому попытки авторов найти наиболее адекватные названия своим сочинениям вполне оправданы.

Изучая дальнейшее развитие путеводителей или описаний, необходимо учитывать все типы более ранних работ, различных по названию и часто не соответствующих современным представлениям об их содержании. В общей сложности мы проанализировали содержание семи путеводителей. Причем нами были обнаружены общие черты и отличия между петербургскими и московскими изданиями. И те и другие книги не содержали часто меняющейся информации о Петербурге, представляя собой краткое описание города, его достопримечательностей, месторасположения важнейших учреждений и ведомств. Но с другой стороны, путеводители по Москве содержали маршруты для осмотра достопримечательностей, а петербургские – нет.

В то же время и Санкт-Петербург, и Москва были описаны в жанре «прогулок по городу». Цель этих работ и заключалась как раз в том, чтобы читатели совершили прогулку вслед за автором. Впоследствии такого типа сочинения могли бы получить название «путеводителей».

В заключение надо отметить, что каждое издание о городе, опубликованное в первой половине XIX века, несмотря на общие черты, уникально. Авторы этого периода редко ориентировались на работы друг друга, руководствуясь собственными представлениями, поэтому в течение всего периода не заметно какой бы то ни было эволюции жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп.: В 4 т. Т. III. М., 1983.
2. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: В 4 т. СПб., 1847. Т. III.
3. Полевой Н. Письмо к издателю // Сын Отечества. 1824. Ч. 97.
4. Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу с историческими указаниями. СПб., 1820.
5. Сын Отечества. 1820. Ч. 63.
6. Пушкарев И.И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям. СПб., 1837.
7. Бурьянов В. Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям. СПб., 1838.
8. [Максимович] Путеводитель к древностям и достопамяностям Московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сей столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшего оных приискивания азбучною росписью умноженный. [В 4 ч.] М., 1792.
9. Путеводитель в Москве. Изданный Сергеем Глинкою, сообразно франц. подлиннику г. Леконта де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824.
10. О топографии де Лаво // Сын Отечества. 1824. Ч. 9. С. 77–88.
11. Полевой Н. Письмо к издателю // Сын Отечества. 1824. Ч. 97. С. 169–182, 212–220.
12. Новый путеводитель по Москве, первопрестольной столице государства Российского, с показанием как исторических, так и природных и искусственных достопримечательностей с приложением обзора стати-

стических сведений, промышленности, казенных и частных заведений и присовокуплением главных правил, установленных для каждого заведения, служащих руководством для проживающих в сей Столице лиц разного сословия, основанный на достоверных актах, и Живописного Исторического Путешествия по примечательным окрестностям Москвы. [В 2 ч.] М., 1833.

13. Москва и окрестности. Летние прогулки воспитанников 1-го Московского Кадетского Корпуса. М., 1841.

O. M. Zhuravleva

GUIDE-BOOKS (ITINERARIES) OF SAINT-PETERSBURG AND MOSCOW OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

This article deals with the content of seven guide-books of S.-Petersburg and Moscow in order to analyze the development and peculiarities of the practice connected with composing of books of such kind. All the books are compared according to their content, name and purpose. There are short annotations for all the books mentioned. As a result some diferencies between guide-books about St.-Petersburg and Moscow were found and described as well as the the development of regional studies in Russia.

The history of regional studies, St.-Petersburg, Moscow, 19th century, guide-book (itinerary)

УДК 130.2

Р. И. Мамина

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК НОВАЯ ФОРМА КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются коммуникативные характеристики такого нового социокультурного феномена, как корпоративная культура, через призму других коммуникативных феноменов, входящих в ее состав

Информация, коммуникация, общество, коммуникативные процессы, корпоративный этикет, бизнес-ритуалы, корпоративный имидж, корпоративная культура

Насыщенность информационной среды, в которой мы сегодня живем, привела к появлению новых коммуникативных процессов и явлений, среди них особое место занимает корпоративная культура.

Понятие «корпоративная культура» было введено в научный и управленческий оборот в конце 90-х гг. XX в. усилиями западных ученых. По мнению специалистов, новое понятие, с одной стороны, отразило те новации, которые произошли в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, с другой – это понятие закрепляет в качестве основного управленческого инструментария человеческий фактор с главным акцентом на его духовную составляющую.

На сегодняшний день существует серьезный задел зарубежной и отечественной литературы, посвященной этой тематике. Корпоративную культуру называют новой формой социального партнерства, новой культурной формой, новым уровнем менеджмента, отвечающим потребностям современного развития общества, новой формой коммуникативного взаимодействия. Однако исследователи отмечают, что корпоративная культура все еще остается труднодоступным для концептуального осмысления феноменом. Одной из причин такого положения является то, что корпоративная культура, являясь сложным многофакторным феноменом, включает в себя другие сложные феномены, такие, как этикет, ритуал, имидж. Каждый из этих феноменов представляет собой объект самостоятельного научного исследования, однако только в

корпоративной культуре с ее установкой на социальное партнерство эти феномены выступают в единстве и взаимодействии, обретая новое звучание и новое прочтение. Поэтому анализ данных феноменов, выявление и взаимозависимости – важный шаг на пути осмысления феномена самой корпоративной культуры, но, прежде всего, как новой формы коммуникативного взаимодействия. Возьмем, к примеру, этикетную составляющую корпоративной культуры.

Этикет – это нормативно-этическая, многоуровневая система регуляции отношений людей в социуме, причем в первую очередь речь идет о нормировании ролевых отношений на межличностном, групповом и представительском уровнях. Любая организация как отдельно взятый социум включает в себя все уровни отношений, поэтому этикетная составляющая корпоративной культуры всегда будет представлена разными видами этикетной регуляции, а именно нормами служебного, корпоративного и делового этикета. При этом служебный этикет регулирует отношения, которые складываются между людьми в организации на межличностном уровне; корпоративный этикет регулирует уровень межгрупповых отношений и, наконец, деловой этикет – это уровень представительских отношений. Все эти виды этикетной регуляции находятся в единстве и взаимодействии и составляют этикетное пространство корпоративной культуры организации. В то же время каждый из указанных видов имеет свою специфику и свое функциональное значение в системе целого.

Базовый фундамент этикетного пространства корпоративной культуры организации составляют нормы служебного этикета. Служебный этикет – основа основ любой организационной структуры. Он регулирует уровень межличностных отношений в организации по вертикали: руководитель – подчиненный и по горизонтали: отношения с коллегами и сослуживцами, а также гендерные отношения. В системе этих отношений отношения руководитель – подчиненный являются определяющими, они носят строго иерархический характер. Поэтому вопросы субординации являются отличительной чертой служебного этикета.

Следующей составляющей этикетного пространства корпоративной культуры является корпоративный этикет как регулятор межгрупповых отношений в фирме, организации. Однако, несколько нарушая последовательность, обратимся сначала к специфике делового этикета.

Деловой этикет – сравнительно новый вид социальной регуляции в условиях деловой среды, получивший массовое распространение в связи с развитием рыночных отношений и процессами глобализации. Сегодня представительская деятельность любой организации основывается на правилах международной вежливости. Выдвижение дипломатического этикета и протокола на первый план объясняется тем, что именно нормы официального общения, построенные на принципах равенства, взаимного уважения и учета взаимных интересов, обеспечивают партнерские отношения, составляющие отличительную особенность и специфику делового этикета. Однако деловой этикет не исчерпывается знаниями основ официального протокола. Деловой этикет на уровне этикетной нормы включает в себя помимо официального протокола и этикета нормы светского, служебного и корпоративного этикета, а также этноэтикета, если речь идет о кросс-культурном сотрудничестве. В целом деловой этикет – это современное сложное, системное знание, инструмент партнерского общения на представительском уровне.

Что касается корпоративного этикета, он реализует функцию партнерства уже не на представительском уровне, а в рамках внутригрупповых и межгрупповых отношений, т. е. речь идет об отношениях внутри фирмы, а также об отношениях фирмы со своими клиентами в условиях повседневных практик.

Корпоративная культура через корпоративный этикет и его коммуникативные характеристики целенаправленно формирует атмосферу особого доверия как внутри фирмы, так и за ее пределами. Заслуга в этом принадлежит специфике этикетной нормы. Этикетная норма в отличие от ритуальной очень демократична, она имеет своеобразную вилку и функционирует в диапазоне от нейтрального (в плане замечено) до подчеркнуто уважительного отношения к другому, другим. Однако, в социально-регламентированных условиях демократический характер этикетной нормы имеет ряд ограничений: в нормах служебного этикета эти ограничения связаны с вопросами субординации, нормы делового этикета очень официальные. Интегрированность протокола в деловой этикет сужают рамки возможностей этикетных норм, многие из них строго фиксированы, например нормы знакомства и представления, правила рассадки во время визита вежливости на переговорах, пресс-конференциях, этикетные нормы вручения и получения подарков, требования дресс-кодов и др. Эти нормы нельзя нарушить, они носят знаковый характер и реализуют на практике принципы равенства и взаимного уважения в деловой среде. В настоящих условиях соблюдение или несоблюдение этих правил может оказаться решающим фактором для сотрудничества не только на международном уровне, но и на «внутренних линиях» страны. В свою очередь, нормы корпоративного этикета отличаются сравнительно большей степенью свободы, отсюда их творческая активность. Однако все новации корпоративного этикета должны опираться на историю, традиции, условности, особенности менталитета, гарантировать уважение чести и достоинства личности каждого сотрудника.

Этикетная норма всегда ценностно обусловлена, поэтому этикет – это не только универсальный регулятор взаимоотношений, которые складываются между людьми, этикет – это еще и особая охранительная система морально-психического здоровья как отдельной личности, так и социума в целом. Это значит, что в рамках корпоративной культуры служебный этикет регулирует не только социально-ролевые отношения, но и выступает как особая охранительная система прав и обязанностей личности на рабочем месте, а одной из основных задач корпоративного этикета в этом плане является реализация потребности каждого сотрудника в самоуважении через признание в коллективе, группе. Отсюда высокая степень креативности в виде нормо- и формотворчества: как, каким образом, в какой новой форме выразить уважительное отношение к личности каждого сотрудника, показать его значимость для компании.

Корпоративный ритуал формирует коллективное «мы-единство», корпоративный этикет через признание самооценности каждого регулирует отношения внутри фирмы, организации, что в целом создает благоприятный морально-психологический климат в коллективе. В то же время, функционируя в качестве особого регулятора, стабилизирующего и облагораживающего человеческие отношения, этикет выполняет также важную воспитательную функцию, поскольку именно через соблюдение норм, ограничивающих хаос социальных пороков, таких, как алчность, месть, зависть, корысть, каждый человек приобщается к нравственным ценностям, составляющим фундаментальное основание культуры. Поэтому главной задачей и заслугой корпоративного этикета является внедрение и культивация корпоративных норм, благодаря которым каждый сотрудник вовлекается в систему нравственных ценностей, составляющих фундаментальное основание корпоративной культуры. Но эта функция корпоративного этикета может быть реализована только в том случае, если корпоративным нормам подчиняются все, включая руководство фирмы.

С другой стороны, креативность, коммуникативные, управленческие и мотивационные возможности корпоративного этикета проецируются и на другую его функцию – установку на покупателя. Работа в этом направлении ведется как напрямую, так и опосредованно, через работу всего коллектива и ответственность каждого на своем рабочем месте. Ее общий девиз: «Мы работаем для Вас!». Поиск новых форм работы с клиентами, умение налаживать эмоциональные связи – важная примета времени. При этом субъектом формотворчества как внутрифирменных отношений, так и отношений, направленных вовне, может выступать сам коллектив, отдельная группа или отдельная личность, наделенная необходимыми полномочиями. Инициатива может идти сверху, снизу, может быть встречной, но в целом очень многое зависит от личности руководителя, а также от стиля руководства компанией. Однако независимо от того, какой стиль руководства принят в организации, главным является само понимание того, что нормативно-этическая составляющая поведения не роскошь, а обязательное условие эффективной деятельности любой компании. В то же время регламентированность служебного этикета, инновационный характер и управленческие возможности корпоративного этикета, официальность и приверженность условностям делового этикета во многом определяют имиджевые характеристики фирмы и ее репутацию.

Таковы в целом некоторые особенности составляющих этикетного пространства корпоративной культуры и их взаимодействия.

Следующий шаг на пути к рассмотрению корпоративной культуры как новой формы коммуникативного взаимодействия – это анализ ее ритуального пространства.

В рамках корпоративной культуры, как правило, речь идет о внешних и внутренних бизнес-ритуалах. Внешние имеют непосредственно имиджевое значение, внутренние – выступают как важная составляющая внутрикорпоративной культуры компании, поэтому имиджевые и корпоративные ритуалы функционируют в разных плоскостях и решают, казалось бы, разные задачи.

Внешние корпоративные ритуалы являются разновидностью косвенной рекламы, а поскольку речь идет о рекламе, то в такого рода мероприятиях всегда зримо присутствует целевая установка – формирование и поддержание положительного образа фирмы в глазах общественности с целью успешного продвижения товара (услуги). Вместе с основной задачей решается и целый комплекс сопутствующих задач, например, это хороший повод пригласить представителей администрации и общественности города, партнеров по бизнесу, заказчиков, клиентов, прессу, а значит и хороший шанс получить публицити, это поддержание деловых контактов, установление новых и т. д. Достижение поставленных целей становится возможным, если соблюдена необходимая форма взаимодействия, которая обеспечивает высший уровень признания и уважения по отношению к приглашенной аудитории. Такой формой является этикетное поведение на представительском уровне. Например, принимающая сторона, приглашая на официальный или деловой прием, может выразить необходимое уважение к почетному гостю (гостям) только соблюдая существующие общепринятые нормы вежливости: это и атмосфера уважительного отношения, царящая на приеме, это и предоставление права занять почетное место за столом, это и соответствующая сервировка стола и качественное обслуживание и т. д. Поэтому в рамках этикетного поведения цель достигается только благодаря соблюдению установленных этикетных норм, где содержание и форма находятся в единстве и взаимодействии.

В то же время, поскольку поведение участников регулируется в большей степени этикетными, а не ритуальными нормами, возникает определенная дистантность в общении. Она обусловлена также и тем, что в данном виде ритуала приоритетным является рациональное, а не эмоциональное начало. Такова природа рынка. В итоге мы имеем относительную разобщенность и атомизированность аудитории. В целом, соблюдение этикетных установок создает общий положительный фон. Но в таких условиях не включается, не работает одна из основных функций социального ритуала – его компенсаторная функция, определяющая эмоциональный и энергетический потенциал аудитории.

Внешние имиджевые ритуалы имеют в большей степени перформансный характер, поэтому их можно определить как ритуализированные мероприятия массового характера, призванные постоянно поддерживать положительный имидж организации (фирмы) в глазах общественного мнения с целью успешного продвижения своей продукции на внутреннем и внешнем рынках товаров и услуг.

Компенсаторная же функция реализуется исключительно в корпоративных ритуалах, поскольку именно корпоративная ритуальная коммуникация решает вопрос о принадлежности человека к данной группе, что дает осознание себя как «мы – единство», отсюда важное психотерапевтическое значение корпоративных ритуалов.

В целом и внешние имиджевые ритуалы, и внутренние корпоративные направлены на формирование корпоративной идентичности, но с разными целями и с разных позиций. Внешние имиджевые, позиционирующие фирму как уникальную в своей области, направлены на формирование групповой самоидентификации «мы – они», «свои – чужие», внутренние – на идентификацию и реализацию потребности каждой отдельно взятой личности в принадлежности к группе, на самопонимание через соотнесенность с коллективом. Поэтому внешние имиджевые ритуалы и внутренние корпоративные, рассматриваемые исключительно в единстве, в целом решают задачу формирования корпоративной идентичности, что, в свою очередь, является одним из важных условий успешности как самой личности работника, так и всей организации.

При анализе имиджевой составляющей корпоративной культуры главным является выделение таких взаимосвязанных категорий, как «имидж в статике» и «имидж в динамике». Имидж в статике – это большая работа с формой, это искусство самопрезентации как персональной, так и корпоративной. Большая работа с формой создает не только управляемый эффект первого впечатления, но и феномен влияния формы на содержание. Имидж, несмотря на приоритетное значение формы, представляет собой единство формы и содержания, поэтому имидж в динамике следует рассматривать как усилия компании для создания необходимого соответствия внутреннего содержания заданной форме. Этими вопросами в рамках корпоративной культуры занимается уже репутационный менеджмент, опираясь на корпоративные ценности, историю, традиции, мифы, легенды, ритуалы, этикетные нормы и условности. При таком подходе корпоративный имидж обретает целостность и устойчивость и становится знаковой системой корпоративной культуры, ее информационно-коммуникативной структурой.

В целом последовательный анализ этикетного пространства корпоративной культуры, ее ритуального и имиджевого пространства, а также их взаимосвязи и взаимозависимости имеет важное значение для выявления и наследования коммуникативных характе-

ристик корпоративной культуры, тем более что эта проблематика особо актуализируется в связи с прогнозами специалистов, по мнению которых на смену экономике услуг идет экономика впечатлений и ее новации.

Новая экономика реализует себя в первую очередь через шоулизию бизнеса, отсюда потребность в новом виде бизнес-перформансов, нацеленных непосредственно на самого потребителя, что, в свою очередь, предполагает наличие сильной корпоративной культуры, способной выстраивать стратегию развития всех видов отношений, в которые вступает организация, в том числе и отношений «фирма-клиент».

R. I. Mamina

CORPORATE CULTURE AS A NEW FORM OF COMMUNICATIVE INTERACTION

Communicative characteristics of such new socio-cultural phenomenon as corporate culture are considered through the prism of other communicative phenomena included in its structure.

Information, society, communicative processes, corporate etiquette, business-rituals, corporate image, corporate culture

УДК 122:130.2

Е. В. Пирайнен

КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Основной механизм социокультурной детерминации связан с системой норм и идеалов, укорененных в фундаментальных пластах культуры и проецирующихся в ментальных структурах. Сама культура представляет собой сложную структуру, поэтому важной задачей становится проблема детерминации в культуре и обществе.

Культура, социальная детерминация, менталитет, стереотипизация, культурный слой, информатизация

Проблемы, возникающие в жизни социума, связаны непосредственно с сутью культуры, в рамках которой происходят разного рода преобразования. Поэтому, чтобы стало возможно их решение, в первую очередь необходимо понять сущность культуры. Особое значение в процессе развития и функционирования социума культура приобретает во второй половине XX века. Она обретает статус одной из детерминант общественного развития [1. С. 316], и определяется как «детерминационно-императивный компонент человеческого бытия» [2. С. 25].

В настоящее время в процессе создания единой общемировой культурной системы особую значимость приобрели проблемы, обусловленные разнообразием национальных культур и наследий. Представители разных культур пользуются одними и теми же основными понятиями, но вкладывают в них разный смысл. Это определяет особенности их поведения, которое часто может представляться иррациональным и противоположным тому, что считается очевидным. Множественные различия стилей культурного производства и потребления, нюансы этнической идентичности, социальных интересов и конфессиональных установок реализуются в разнообразии менталитетов. В социокультурном подходе менталитет трактуется как некая характерная для конкретной культуры специфика психической жизни людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте. Данное определение в известной степени пересекается с поня-

тием «национальный характер», под которым понимают либо присущий представителям данной нации набор основных личностных черт, либо систему основных существующих в этносе представлений, установок, верований, ценностей и т. п. Менталитет понимается как некая интегральная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него [3. С. 21]. Содержание менталитета определяется, прежде всего, теми знаниями, которыми владеет определенная социальная общность. Знания и верования составляют представления об окружающем мире, что и является базой менталитета.

Таким образом, менталитет как социокультурный атрибут общественной жизни является собой систему воззрений, оценок и норм, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую иерархию ценностей, а, значит и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные и культурные установки, отличающие указанную общность от других. Взаимоотношения между явлениями действительности и оценка этих явлений воссоздаются в мотивационной сфере. Система доминирующих в социальной группе мотивов, детерминированная существующей иерархией ценностей, отражает некоторые единые для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности и интересы. Эти и другие факторы, обеспечивающие готовность действовать определенным образом, являются социальными установками и могут считаться одной из основных характеристик менталитета.

Согласно исследованиям современного отечественного психолога А. А. Бодалева, групповая направленность в социальной сфере складывается на основе стереотипизации, когда новые впечатления об объекте восприятия обобщаются благодаря сходству с прежними знаниями. Так возникают национальные стереотипы восприятия, связанные с восприятием определенных черт лица, фигуры, одежды, поведения. Эти оценочные стереотипы могут играть роль групповых ожиданий и, таким образом, ставить носителя конкретной культурной традиции в определенный поведенческий образец [4. С. 272].

Стереотипизацию можно определить как фиксирование системы предположений о том, что собой представляет тот или иной тип личности или социальной общности, которую иногда ошибочно считают правильной во всех случаях. Стереотипы являются одним из видов социальной установки. Они весьма широко используются при оценке людей, так как упрощают, облегчают процесс познания. В самосознании каждого народа в стереотипной форме присутствуют представления о типичных представителях других народов. Существует широко распространенное положение, что представители различных наций имеют общие, но отличные от других народов характерные черты. Стереотипы в групповом сознании всегда выполняют важные социальные функции. Иногда подобные стереотипные представления призваны оправдать основанные на них модели поведения.

Американский ученый Д. Майерс считает, что в процессе исследования национальных особенностей можно избежать проблем, которые могут быть связаны со стереотипным мышлением. По его мнению, для этого надо опираться на знания о культуре, традициях, истории изучаемой нации [5].

Проблема сущности культуры является предметом исследования большого числа культурологов, философов, социологов, психологов и т. п. Проанализировав различные концепции, предложенные учеными всевозможных научных направлений, можно сделать вывод, что большинство из них разделяют культуру на типы, классифицируя по разным показателям, не

разграничивая при этом понятия «культура» и «культурная традиция». Таковы, например, исследования отечественных исследователей Ядова, Узнадзе, Ахиезера, а также западных ученых Хофстеде, Триандиса, Тофлера, Хантингтона и др. Результаты этих исследований имеют большое значение для решения социокультурных проблем. На различие культурных традиций оказывают влияние множество факторов, однако они влияют только на содержание культуры, но не на ее сущность. Рассмотрение культуры как таковой, т. е. с точки зрения описания ее структуры, предложено в концепции Ракитова. Согласно этой концепции, любую культуру следует рассматривать как двухкомпонентную структуру, состоящую из ядра культуры и защитного пояса. При этом в ядре культуры сконцентрированы все нормы, стандарты, эталоны и правила, а также система ценностей, выработанная в процессе истории. Эти стандарты и правила непосредственно связаны с историей общества, реальными условиями его развития, спецификой окружающей природной среды, национальными привычками, адаптационными процессами и прочими установками, в которых изначально формировалось культурное ядро. Основной функцией ядра культуры является сохранение самоидентичности социума. Ядро выполняет функцию своего рода социальной ДНК, хранящей информацию об истории, этапах формирования, условиях жизни и деятельности. Для сохранения ядра культуры в процессе исторического развития возникает особый защитный пояс, который выполняет функцию фильтрующего механизма, пропускающего директивную информацию, идущую из ядра во все структурные узлы социального механизма, но при этом активно поглощающего информацию, поступающую в социум от других культур. Вместе с тем, защитный пояс также обеспечивает адаптационную функцию, т. е. за счет защитного пояса происходит адаптация к окружающей социально-технологической среде [6]. Согласно концепции Ракитова, ядро культуры реализуется в фольклоре, мифологии, национальных и социальных обычаях, традициях бытового поведения, обрядах. Аккумулируемая в культурном ядре информация передается от поколения к поколению через систему воспитания и образования. Стабильность общества зависит от устойчивости культурного ядра, а именно совокупности представлений о мире и человеке, добре и зле, прекрасном и отвратительном, множестве символов, предрассудков, традиций.

Исходя из анализа рассмотренных концепций можно изобразить более развернутую структуру культуры. Культура представляет собой некую модель, состоящую из нескольких слоев. Внешний слой образует быденная жизнь людей, с их особенным отношением к различным социокультурным процессам. Второй слой составляют определенные стандарты, нормы и правила деятельности, на основе которых и формируется жизнь социума. В свою очередь, конкретные нормы, стандарты и правила непосредственно связаны с историей общества, реальными условиями его развития, спецификой окружающей природной среды, национальными привычками и прочими установками. Они складываются благодаря определенной иерархии ценностей, которая является уникальной для каждой конкретной культуры. Рассматривая понятие ценности, как правило, рассматривают не ценность саму по себе, а ценностное отношение, при этом всякая ценностная ситуация выступает как форма субъектно-объектных отношений, где ценностное отношение со стороны субъекта реализуется в единстве отнесения к ценности оцененного объекта и его осмысления субъектом [7. С. 50].

В работе «Философская теория ценности» М. С. Каган приводит результат исследований западных ученых, выделивших ряд ценностных категорий. Все представленные ценностные категории составили определенную иерархию, причем место каждой ценности в иерархической системе определяется для каждой культурной традиции отдельно.

Таким образом, можно заключить, что именно ценности можно рассматривать в качестве детерминант, формирующих определенные нормы, стандарты и правила поведения и, как следствие, определяющих отношения в социуме.

Ценность – это внутренний, эмоционально освоенный ориентир деятельности, поэтому он воспринимается субъектом как собственная духовная интенция, а не привнесенный извне, «навязанный» регулятор поведения [7. С. 164]. Система ценностей представляет собой своеобразное ядро культуры. Однако то, как именно ценности располагаются на иерархической лестнице, имеет своей основой своего рода зерно, объединяющее в себе идеальное и материальное начала, а именно сочетание религиозной и экономической компонент как двух неотъемлемых сфер социальной действительности.

Религия – одна из детерминант, образующая мировоззренческую основу общества. Религия есть у всех народов. Она необходима для удовлетворения социально-психических интересов общества. Религия не только влияет на отношения людей, но и является тем неотъемлемым фактором, который способствует общению и объединению людей. Религия играет важную роль в укреплении нравственных и духовных основ жизни социума, формировании культурного ядра и сохранении его стабильности.

С другой стороны, существенную роль для формирования ядра культуры играет экономическая составляющая жизни общества, а именно способ производства, потому что развитие общества в любой исторический период невозможно без развития материального производства. Благодаря материальному производству удовлетворяются разнообразные материальные и другие потребности человека. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще. Он в разной степени воздействует на развитие этих сфер жизни общества. В этом смысле способ производства выступает как материальная основа существования и развития общества.

Следует отметить, что чем дальше от центра располагается культурный слой, тем он более подвижен и подвержен изменениям и преобразованиям. Относительно же центральной части предложенной модели культуры, следует отметить, что ее форма не поддается изменениям. Возможно некое изменение содержания, но это составляет весьма долгий временной процесс, затрагивающий не одно поколение носителей культурной традиции.

Американский социолог и публицист, один из авторов концепции «постиндустриального общества», Алвин Тофлер рассматривал все общественные трансформации с позиций культурных изменений. Выдвинутая им теория получила название «Волновая теория культуры». В качестве основной доминанты процесса развития человечества Тофлер рассматривал культурные волны. В понятии «культурная волна» Тофлер подчеркивал идеологичность и аполитичность происходящих изменений. Одновременно это понятие указывало на стихийность и неизбежность происходящего. С точки зрения Тофлера, человечество постоянно прибывает в процессе столкновения культурных волн. Именно это определяет и сущность, и значимость каждого конкретного исторического периода.

Центральное понятие в волновой концепции культуры Тофлера – понятие «образ», выступающий центральным фактором для создания культурного стереотипа, образа жизни. Культурный стереотип, по Тофлеру, представляет собой собрание образов. Тофлер указывает, что образы возникают из ничего. Они формируются из сигналов и информации, находящихся в нашем окружении [8. С. 172]. В предыдущие волновые периоды фор-

мирование образов происходило на национальном уровне достаточно согласованно. В первую волну набор образов формировался под влиянием непосредственно окружавших их людей и социальных институтов. Культура второй волны – это культура создания и иконизации массовых образов, набор которых, хотя и достаточно большой, был все же в рамках человеческого восприятия. В эпоху второй волны был создан единый набор образов мира – универсальный набор имиджей.

Культура третьей волны с ее высокотехнологичными средствами работы с информацией не только создает множество таких наборов имиджей, но и заставляет постоянно производить их переработку. Становится очень трудно понять механизм производства и смены имиджей. Новый образный строй отвергает, прежде всего, классификацию, частично потому, что он не подпадает под старые категории, а частично потому, что формируется в виде пакетной информации несвязанной, непостоянной, логически несформированной. Поколение культуры третьей волны научилось преобразовывать информационные данные в стандартные категории [8. С. 182].

Таким образом, Тофлер, один из крупнейших теоретиков и разработчиков информационного общества, достаточно четко определил основные черты новой волны культуры, а именно ее образный характер. Эти черты стали присущи человеческой культуре потому, что основным объектом деятельности человека стало такое «бестелесное понятие», как «информация», которое, тем не менее, ведет к вполне осязаемым реалиям обыденной жизни социума.

Возвращаясь к предложенной выше структуре культуры, следует отметить, что передача любой культурной информации происходит благодаря системе воспитания и образования. На современном этапе информатизация культуры и особенно таких культурообразующих процессов, как образование, обучение и воспитание имеет важное и фундаментальное значение, так как влияет на состояние культуры, а значит и на формирование мировоззрения носителей культурной традиции, от которых зависит решение социально-экономических, политических и духовно-культурных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крапивенский С. Э. Социальная философия. 3-е изд. Волгоград: Комитет по печати, 1996.
2. Барулин В. С. Социально-философская антропология. М.: Онега, 1994.
3. Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии, 1993. № 5. С. 20–29.
4. Бодалев А. А. Личность в общении. М.: Педагогика, 1983.
5. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2005.
6. Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. №4. С. 14–34.
7. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.
8. Toffler A. The third wave. N.Y.: William Morrow and co., 1980.

Ye. V. Piraynen

CULTURE AS A SYSTEM OF SOCIAL AND CULTURAL DETERMINATION

The basic mechanism method of social and cultural determination is connected with a system of norms and ideals, which are deep-rooted in fundamental stratum of culture and projected on mental structures. Culture is a complex structure, therefore, the important problem is the problem of determination in culture and society.

Culture, social determination, mentality, stereotypification, cultural layer, information

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ СИСТЕМНОГО ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Обосновывается необходимость применения системного философского подхода к исследованию корпоративной культуры организации. На основе системной философской концепции культуры М. Кагана даны некоторые методологические уточнения и выявлен ряд новых возможных аспектов изучения корпоративной культуры.

Корпоративная культура, организационная культура, культура, системный подход, философия культуры, методология исследования, «круг культуры»

Число научных исследований, посвященных проблемам корпоративной (организационной) культуры, стремительно возрастает. Достаточно привести цифры за последние 10 лет (по данным электронного каталога Российской национальной библиотеки), отражающие рост количества *диссертационных* работ в рамках данной тематики, защищенных по разным специальностям. До 1996 г. не встретилось ни одной работы, в название которой вошло бы любое из следующих словосочетаний: «корпоративная культура», «организационная культура», «культура организации», «культура предприятия» или «культура фирмы»¹. В 1996 г. появилась первая такая работа, с 1997 г. по 1999 г. их уже было 11, с 2000 г. по 2002 г. – 22, а с 2003 г. по 2005 г. – 54!

Анализ этих работ показывает, что происходит расширение круга наук, изучающих корпоративную культуру, о чем свидетельствует появление диссертационных исследований в разных науках. Экономика (34²) и социология (24) были первыми, кто занялся изучением данного феномена, далее подключались другие науки в следующей последовательности: психология (13), культурологии (4), философии (4), педагогике (6), истории (2), политологии (1), технических науках (1), юриспруденции (1), фармакологии (1), филологии (1).

Аналогичная картина стремительного роста исследований, но с временным смещением на 35–40 лет, наблюдается и за рубежом. Как следствие, к настоящему моменту набралось несколько десятков определений культуры организации. Существует множество классификаций типов оргкультуры, подходов к выделению ее элементов и структуры [1. С. 11 – 17]. Такое состояние проблемы предполагает необходимость осуществления ее *методологического анализа*.

Один из наиболее известных зарубежних исследователей отмечает, что из-за терминологического разнообразия, различия оснований, на которые осознанно или неосознанно опираются исследователи, становится все труднее соотносить результаты работ разных авторов [3. С. 28]. Стремясь реализовать «академически выверенный», и, одновременно, «основанный на эмпирических исследованиях и клинических опытах» подход к изучению организационной культуры, автор обращается к данным, накопленным в более общей проблемной области – культурологии. И это вполне оправданно с методологической точки зрения, так как организационную культуру можно считать частным случаем *культуры некой социальной общности*.

¹ Здесь и далее термины: «корпоративная культура», «организационная культура» («оргкультура»), «культура организации», «культура предприятия» или «культура фирмы» используются как равнозначные.

² Здесь и далее цифры в скобках означают количество диссертационных исследований на настоящий момент.

Опора Шейна на результаты исследований культурологов позволяет ему обогатить концепцию организационной культуры. Рассматривая культуру организации по аналогии с культурой того или иного народа, он вводит в научный оборот понятие «базовых представлений», которые лежат в основе организационной культуры. Важнейшими из них являются представления сотрудников «о природе реальности, времени и пространства, об истине, о человеческой природе, деятельности и общении». Следует подчеркнуть, что *эмпирические* исследования организационной культуры, проводящиеся другими авторами, не привели к выделению данных параметров. Для их выявления был необходим выход на более общее понятие – *культура* – и применение к феномену культуры организации более широких эмпирических обобщений, накопленных *культурологией*.

Вместе с тем, обращения к культурологии недостаточно для полноценного *методологического анализа* исследований корпоративной культуры. Необходимо вскрытие *сущности* понятия «культура», что возможно при условии выхода *за пределы* культурологии как частной науки в область *общенаучных методов и философии*. Можно считать удачным стечением обстоятельств, что как раз в области философии культуры имеется фундаментальная работа нашего соотечественника М. С. Кагана «Философия культуры» [2]. Как пишет сам автор, эта книга является плодом всей его жизни. Она суммирует его философские исследования *человеческой деятельности и искусства*. В ней реализуется *системный подход* как *общенаучный метод* к философскому анализу культуры.

Что реально может дать опора на результаты *системного философского исследования культуры* при изучении корпоративной культуры? Безусловно, объема данной статьи недостаточно для раскрытия всех потенциалов этого подхода. Покажем только некоторые идеи.

Прежде всего, отметим, что М. С. Каган говорит о существовании трех масштабов модуса культуры: культуры человечества, культуры социальной группы (от макрогрупп типа этносов, наций, классов, сословий, профессиональных групп до микрогрупп типа семьи, производственного или дружеского коллектива), культуры личности. Логично предполагать, что концепция автора охватывает общие черты всех этих масштабов и оказывается применимой к каждому из них. Используя терминологию М. Кагана, культура организации может быть рассмотрена как культура производственного коллектива.

М. Каган говорит о существовании двух аспектов исследования в философской теории культуры: интракультурологическом и экстракультурологическом. Первый предполагает изучение внутренних отношений в самой культуре. «Диалектика сущности и существования культуры делает необходимым, с одной стороны, выявление *строения культуры как таковой*, ее сущностных и структурных характеристик, сохраняющихся при всех модификациях культуры в пространстве и времени, а с другой – выявление основных направлений этой модификации и отношений, которые складываются между разными культурами» [2. С. 48]. Экстракультурологический аспект предполагает исследование отношений культуры как подсистемы бытия с другими его подсистемами, а именно отношений «культура – натура (природа)», «культура – общество», «культура – человек».

Интракультурологический аспект изучения корпоративной культуры позволит выявить сущность корпоративной культуры, и, значит, провести разграничение между оргкультурой и

тем, что не относится к ней в организации, выявить перечень необходимых и достаточных элементов корпоративной культуры, закономерности ее функционирования, развития, факторы возникновения и формирования. Понимание сущности корпоративной культуры должно дать возможность «предсказать» множество конкретных пространственных и временных форм ее существования, в которых по-разному проявляется ее глубинная сущность.

Экстракультурологический аспект исследования корпоративной культуры побуждает глубже понять, что включают в себя взаимоотношения между культурой организации и 1) природной средой (в том числе, по-видимому, природоохранные аспекты), 2) обществом как, например, разными группами общественности, социальными институтами, 3) человеком как объектом и субъектом корпоративной культуры.

Что является причиной, основой возникновения и формирования культуры? В связи с этим М. Каган вводит понятие «круг культуры» как перечень необходимых и достаточных *составных частей* культуры, последовательность которых отражает ход *функционирования и развития* культуры:

1) **сверхприродные качества человека как субъекта деятельности** (потребности, способности, умения);

2) **способы созидательной деятельности**, которые не врожденные у человека, но которые им изобретаются, совершенствуются и передаются из поколения в поколения;

3) **многообразие предметов** – материальных, духовных, художественных, – в которых опредмечиваются процессы деятельности, которые становятся «второй природой», творимой из материала «первой», подлинной природы для того, чтобы удовлетворить сверхприродные человеческие потребности и служить передатчиком этого человеческого начала другим людям;

4) **вторичные способы деятельности**, которые служат распредмечиванию тех человеческих качеств, которые хранятся в предметном бытии культуры;

5) **человек как продукт культуры**: в процессе распредмечивания он меняется, обогащается, развивается; и поскольку одним из формируемых культурой качеств является потребность в совершенствовании собственной деятельности, постольку человек, творимый культурой, становится ее творцом;

б) **общение**, опосредующее процессы опредмечивания и распредмечивания; в связи с этим, общение является особым аспектом деятельности и, соответственно, феноменом культуры.

Проецируя понятие «круг культуры» на феномен «корпоративная культура», получаем множество интереснейших методологических следствий. Так, новыми гранями и с большей значимостью выступает в качестве *элемента* корпоративной культуры *сотрудник организации (своими сверхприродными качествами как субъекта всех видов деятельности организации: преобразовательной, познавательной, ценностно-ориентационной, художественной, деятельности общения)*. В существующих же исследованиях в создании, поддержании и изменении корпоративной культуры подчеркивалась лишь роль *лидера*, а сотрудник рассматривался скорее как фактор сопротивления изменениям культуры, осуществлению корпоративных ценностей и т. п. Кроме того, *центральным элементом* корпоративной культуры, даже ее *системообразующим*

фактором наиболее часто рассматриваются *ценности*. Более правильно, согласно М. Кагану, центральным элементом корпоративной культуры считать *сотрудника (производственный коллектив)*, который выступает в качестве и субъекта (в «начале» круга), и объекта (продукта) корпоративной культуры.

Способы созидательной деятельности как составной элемент культуры применительно к организации подчеркивают важнейшую, скорее даже ключевую роль в формировании и функционировании корпоративной культуры принятых в организации *подходов к работе*, то есть *способов постановки и взятия на себя задач, выработки, принятия и исполнения решений, контроля хода работы, выдачи и получения "обратной связи", распределения работы и кооперации, применяемых технологий и т. п.*

Материальные, духовные и художественные предметы как «вторая природа» чаще всего и рассматриваются в существующих исследованиях в качестве элементов корпоративной культуры. Это и документы, в которых фиксируется философия организации – миссия, ценности, правила поведения, – и предметы-носители *фирменного стиля* (логотип, товарный знак, форма бланков, конвертов, ежедневников, ручек и т. п.). Между тем, видимо недостаточно подчеркиваются такие составляющие корпоративной культуры, которые выступают как *опредмеченные способы деятельности* – технологические карты, процедуры, стандарты обслуживания, описания бизнес-процессов и т. п.

Еще в меньшей степени осознаются как составляющие корпоративной культуры *вторичные способы деятельности*, рассматриваемые как деятельность по распределению тех человеческих качеств, которые хранятся в предметном бытии культуры, по существу – тот аспект внутрикорпоративного обучения, который направлен на воспроизводство корпоративной культуры и опирается на существующие в компании *предметы как носители таких качеств сотрудника организации, которые воплощают ее культуру*. По видимому, здесь есть большие потенциалы для совершенствования *практики* поддержания и формирования корпоративной культуры.

Сотрудник (производственный коллектив) как продукт корпоративной культуры и, одновременно, как составляющий ее элемент, тоже малоисследованная тема. И, безусловно, она имеет большое прикладное значение.

Общение как элемент корпоративной культуры достаточно часто рассматривается исследователями с точки зрения принятого в организации *стиля общения*. Между тем, важно рассмотреть общение прежде всего как *сопровождение процессов опредмечивания и распределмечивания тех качеств сотрудника как субъекта деятельности, которые характерны для культуры данной организации*.

Концепция М. Кагана имеет и много других полезных следствий для исследования корпоративной культуры, не рассмотренных в данной статье. Например, она может помочь в обнаружении элементов, составляющих содержание культуры организации, так как дает подробную характеристику сверхприродных человеческих качеств, человеческой деятельности, общения. Вместе с тем, применение концепции М. Кагана к исследованию корпоративной культуры как частного случая культуры позволит конкретизировать и уточнить ее философское содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грошев И. В. П. В. Емельянов, В. М. Юров. Организационная культура: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 061100 «Менеджмент организации». М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2004.
2. Каган М. С. Философия культуры. СПб ТОО ТК «Петрополис», 1996. С. 416.
3. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Сливака. СПб.: Питер, 2002 (Серия «Теория и практика менеджмента»).

M. D. Ronzina

CORPORATE CULTURE AS A SUBJECT OF SYSTEM PHILOSOPHIC RESEARCH

The necessity of applying the system philosophical approach to the corporate culture research is substantiated. Some methodological amplifications are given on the basis of M. Kagan system philosophical concept of culture. A number of new possible aspects of corporate culture research are revealed on the basis of this concept as well.

Corporate culture, organizational culture, culture, system approach, philosophy of culture, methodology of research, «circle of culture»

УДК 316.334:37.012

Н. Н. Заворина

СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ В ИЗУЧЕНИИ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ

В статье дается обзор применения методологии структурно-функционального анализа в изучении образования как социального института.

Структурно-функциональный анализ, социальный институт, образование

Понятие институт (от латинского *institutum* – установление, учреждение) было заимствовано социологией из юриспруденции, где его использовали для характеристики определенного комплекса юридических норм. Такими институтами в юридической науке считались, например, наследование, брак, собственность и т. п. В социологии термин «институт» приобрел более широкое толкование для обозначения некоторого особого типа устойчивой регламентации социальных связей и различных более или менее организованных форм социального регулирования поведения субъектов.

Применение методологии структурного функционализма является ключом к пониманию образования как особого социального института. Теоретические основы структурного функционализма были заложены в работах Конта, Спенсера, Дюркгейма.

В основу построения социальной теории как науки Конт положил идею социальной системы; т. е. Конт понимал общество как некий организм, элементы которого выполняют специфические функции и служат требованиям этой системы. Одним из основных объектов анализа социолога является механизм обеспечения солидарности и согласия в обществе. Этим механизмом и являются социальные институты. О. Конт рассматривал основные социальные институты: семью, государство, религию, – с позиций их включения в процессы социальной интеграции и выполняемых при этом функций. Конт полагал, что условие утверждения в обществе новых идей – их институционализация, также для утверждения этих идей необходимым является воздействие на нравы людей [1].

Структурно-функциональный подход к исследованию общества получил свое развитие в работах Г. Спенсера (различение структуры и функций; закон прогрессирующей дифференциации). С именем Г. Спенсера связано первое широкое употребление категории «социальный институт» в социологии. Социальными институтами являются отдельные органы суперорганизма, которые делают возможной совместную жизнь и сотрудничество людей. Институты возникают в ходе эволюции как определенный способ приспособления человека к жизни в обществе [2. С. 212, 234–237].

Для понимания функционирования какого-либо института, по Спенсеру, необходимо учесть контекст возникновения и развития данного института и проанализировать взаимосвязь институтов между собой. Т. е. необходимо, с одной стороны, понимание характера эволюционного этапа развития институциональных образований, с другой, выяв-

ление их функций на данной стадии. Спенсер даёт классификацию социальных организаций как определенных институционализированных образований. Он выделяет шесть категорий институтов: домашние (семейные), обрядовые, политические, церковные, профессиональные и промышленные [2]. Анализируя профессиональные учреждения, Спенсер дает характеристику института образования. Потребность в институте образования заключается в необходимости защиты жизни, механизмах ее регулирования и поддержания. Спенсер выводит происхождение института образования из первичной политико-церковной деятельности, позднее разделившейся на политическую и церковную. На долю жрецов выпадает исполнение роли учителя, поскольку они обладают знаниями и досугом, благодаря которому они могли развивать необходимые интеллектуальные качества.

Дюркгейм рассматривал институты в качестве важнейшего средства самореализации человека. В основе общественных институтов лежат религиозные верования, обычаи, традиции, политико-правовые образования. Дюркгейм отмечает, что имеются «вещи», которые индивид уже находит готовыми к моменту своего существования, изменению они поддаются только при помощи соединения действий нескольких индивидов. Позднее при помощи коллективного сознания происходит закрепление этих действий. Такого рода «вещи» Дюркгейм и называет социальными институтами. Институтом можно назвать все верования, все нормы поведения, установленные группой. Дюркгейм не говорит, откуда берутся институты, выдвигается тезис, что индивид находит их уже готовыми. Всякий институт должен соответствовать потребностям общества в данном виде социальной активности. Институты развиваются вследствие необходимости приспособления к изменяющимся условиям социальной среды. Дюркгейм подчеркивает постепенность эволюционных изменений и говорит о медленной эволюции. «Главные проблемы социологии заключаются в исследовании того, как сформировался политический, юридический, нравственный, экономический, религиозный институт, верование и т. д.; какие причины их породили; каким полезным целям они соответствуют». И далее: «чтобы понять какой-нибудь институт, необходимо знать, из чего он состоит» [3. С. 279]. Институт – сложное целое, состоящее из различных частей; необходимо знать части этого целого, объяснить отдельно каждую из частей, а также способ, которым эти части соединились вместе. Чтобы их обнаружить, недостаточно рассматривать институт в его завершенной и современной форме. В качестве инструмента, которым может и должен руководствоваться социолог, Дюркгейм называет сравнительную социологию.

С трудами Э. Дюркгейма связано рождение социологии образования как отрасли социологии. В конце XIX в. – начале XX в. Дюркгейм читал для учителей циклы лекций по социологии образования, которые позже были изданы в виде серии книг и сборников. В своих работах Дюркгейм употребляет термин *воспитание*, понимая его достаточно широко. «Воспитание – это воздействие, оказываемое на детей родителями и учителями. Это воздействие постоянное и всеобщее» [4]. Анализируя развитие образовательных систем, Дюркгейм отмечает, что «...при племенном строе образование носит главным образом расплывчатый характер, оно дается всем без различия. Нет ни специальных надзирателей, ни определенных учителей, в обязанность которых входило бы формирование молодежи; эту роль играют все старейшины и все предыдущие поколения» [4]. Позднее расплывчатость и неопределенность функций исчезает. «Воспитание концентрируется в руках специальных представителей обще-

ства» [4]. Именно здесь в исследовании ученого появляются термины *обучение* и *образование*. Функция института образования, как отмечает Дюркгейм, состоит в выработке моральных ценностей для различных социальных групп и классов [3. С. 279].

На развитие функционализма в его современном виде значительное влияние оказали труды антропологов. С момента, когда антропологи начали проводить длительные полевые исследования различных культур мира, начинается новый этап развития антропологии. Родоначальниками полевого подхода в антропологии были А. Р. Рэдклифф-Браун, английский автор, испытавший сильное влияние Дюркгейма, и Б. Малиновский, поляк, научная деятельность которого проходила в основном в Британии. На русском языке изданы статьи А. Р. Рэдклиффа-Брауна [5], [6]. Для анализа социальных институтов выделяются их структурные компоненты: стандартизованный способ поведения (правила и нормы сотрудничества); организованная группа людей, причастная к этому типу деятельности, состав этой группы; материальная среда, в которой происходит эта деятельность; символы и т. д. [7. С. 689]. А изучать функцию какого-либо вида социальной деятельности или института – значит анализировать их вклад в обеспечение жизнедеятельности общества как целого. Под функцией всегда подразумевается удовлетворение потребности.

Понятия «институт» и «институционализация» являются центральными в концепции общества Т. Парсонса. Социальные институты у Парсонса выступают и как особые ценностно-нормативные комплексы, которые регулируют поведение индивидов, и как устойчивые образования, задающие статусно-ролевую структуру общества. Основная цель институтов – регуляция деятельности отдельного индивида. Структурообразующими элементами института выступают правила, нормы, образцы поведения. Институт, таким образом, есть комплекс институционализированных ролей. Институты являются основой общественной жизни, так как обеспечивают социальный порядок в обществе, его стабильность и интеграцию. Т. Парсонс понимает общество как систему социальных отношений и социальных институтов. Социальные институты реализуют функции всей социальной системы.

При рассмотрении социальных институтов и процессов институционализации Т. Парсонс акцентирует внимание на ценностно-нормативных аспектах передачи институционализированных образцов поведения, не останавливаясь на том, как происходит формирование социальных институтов. Институты, по Парсонсу, являются надличностными образованиями, образуя макроструктуру общества. Социальная эволюция – это процесс прогрессирующей дифференциации социальных институтов. Главным фактором и условием эффективности изменений институтов является адаптивное усиление, т. е. большая приспособленность институтов к выполнению своих функций (удовлетворению потребностей общества) [8], [9].

Анализируя быстрые и радикальные изменения в системе образования в XX веке, которые повлекли за собой существенные изменения в обществе в целом, Т. Парсонс вводит термин *образовательная революция*. Т. Парсонс отмечает важные черты образовательной революции: 1) распространение начального образования (за относительно короткий промежуток времени всеобщая грамотность стала определяющей чертой современных обществ); 2) последовательное повышение уровня образованности населения за пределы элементарной грамотности; 3) вовлечение все большего числа людей в высшее образование.

Парсонс также приводит черты формирующейся системы образования. Образование становится все более доступным, наблюдается серьезный сдвиг в сторону равенства возможностей. «В каждом последующем поколении постоянно уменьшается число людей, лишенных возможности получить образование, необходимое для достижения различных статусов и в сфере занятости, и в стиле жизни» [10. С. 127]. Распространяется совместное обучение для лиц обоего пола. Но одновременно система образования предлагает разные уровни образования в зависимости от врожденных способностей к умственной работе, семейных ориентаций, индивидуальных мотиваций, что характеризует ее как избирательную систему. Все большее значение имеет творческо-новаторская функция образовательной системы. Развитие техники максимально зависит от достижений научных исследований, в то время как раньше большинство нововведений было делом рук «практиков».

Образовательная революция повлекла за собой колоссальные изменения в обществе. На данный момент образование является одним из важных факторов стратификации. Образование оказывает все возрастающее воздействие на структуру занятости общества. Формальное образование является средством достижения требуемой для профессиональной деятельности компетентности. Особую роль Парсонс отводит высшему образованию, рассматривая его как кульминацию революции в образовании, считая, что оно выдвинется в число важнейших социальных институтов.

В рамках теории структурного функционализма большое значение для анализа социальных институтов имеет предложенное Р. Мертоном определение явных и латентных функций [11]. Явные функции носят намеренный характер и осознаются людьми, латентные – носят непреднамеренный характер, их последствия не всегда в полной мере осознаются людьми. Социализацию, подготовку к освоению различных социальных ролей, приобщение к доминирующим в обществе ценностям можно считать явными функциями образования. Наделение индивида определенным статусом, закрепление социального неравенства относится к латентным функциям. Также существуют нежелательные последствия того или иного явления для деятельности общества, которые Мертон называет дисфункциями. Понятие «дисфункции» связано с такими аспектами социальной деятельности, которые вызывают изменения, угрожающие единству общества. Часто люди не сходятся во мнениях, что считать полезным, а что неприемлемым. Являющееся функциональным для одной категории лиц, для другой может быть дисфункциональным.

Образование – по законодательству РФ – целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов) [12].

Образование как социальный институт – это система, охватывающая совокупность статусов и ролей, социальных норм, социальных организаций (учреждений, предприятий, университетов, академий, институтов, фирм и т. д.), выполняющая функции подготовки и включения индивида в различные сферы жизнедеятельности общества, приобщения его к культуре данного общества.

Можно выделить следующие структурные компоненты института образования: 1) совокупность учреждений, связанных между собой выполнением общей функции (сеть образова-

тельных учреждений – школы, лицеи, университеты; органы управления образованием – департаменты и министерства); 2) совокупность людей, занятых в данной сфере; 3) законодательство в области образования; 4) реальные объекты – здания, оборудование, в которых материализуется функционирование института; 5) образовательные программы и государственные образовательные стандарты разного уровня и направленности; 6) учебники и учебно-методические пособия для преподавателей и учащихся; 7) совокупность обычаев, традиций, норм и правил поведения; 8) символические культурные признаки; 9) идеология (концепция) образования; 10) учреждения инфраструктуры (поликлиники, типографии и др.).

Очевидна тесная взаимосвязь образования со всеми институтами общества, так как оно является крупнейшей подсистемой современного общества. Наиболее устойчивые направления воздействия образования на основные сферы общества обозначим понятием «функция».

Функции образования в социальной сфере:

- Социализация личности, ее формирование.
- Определение статуса личности (воспроизводство социальных групп и слоёв, принадлежность, к которым обусловлена образовательными сертификатами).
- Гомогенизация общества.
- Социальная селекция.
- Активизация социальных перемещений.

Функции образования в экономической сфере:

- Формирование профессионального состава населения.

Формирование потребительских стандартов населения.

- Привлечение экономических ресурсов.
- Внутреннее распределение ресурсов.

Функции в политико-правовой сфере:

- Привитие приемлемых правовых и политических ценностей и норм.
- Воспроизводство государственной идеологии.
- Воспитание патриотизма.

Функции в духовной сфере:

- Воспроизводство социальных типов культуры.
- Передача (трансляция) знаний от поколения к поколению.
- Формирование и воспроизводство общественного интеллекта.
- Социальный контроль.

Произошедшие в российском обществе реформы затронули образование, коснувшись практически всех его элементов – содержания образования, методов и форм обучения, способов оценки результатов, управленческих структур, финансирования, структуры образовательных учреждений и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавра Д. Понятие социального института // <http://www.soc.pu.ru/materials/>
2. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2 // Спенсер Г. Сочинения / Под общ. ред. Н. А. Рубакина: В 7 т. Т. 4. СПб.: Издатель, 1898.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
4. Дюркгейм Э. Природа и метод педагогики // Дюркгейм Э. Социология образования / Под ред. В. С. Собкина, Я. В. Нечаева. М.: ИНТОР, 1996 // <http://socio.msk.ru/lib.html>

5. Рэдклифф-Браун А. Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 603 – 631.
6. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
7. Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 681 – 702.
8. Осауленко А. П. Структурный функционализм об эволюционном изменении социальных институтов // <http://studlib.ru/article/print-47.html>
9. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 464 – 480.
10. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Науч. ред. М. С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998.
11. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 379 – 447.
12. Закон Российской Федерации об образовании. М.: ИНФРА-М, 2005.
13. Андреев Ю. П., Коржевская Н. М., Костина Н. В. Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
14. Социология образования / Под ред. А. М. Осипова, В. В. Тумалева // Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

N. N. Zavorina

STRUCTURAL FUNCTIONALISM IN STUDYING OF EDUCATION INSTITUTE

The review of methodology application of the structurally functional analysis in studying of education as a social institute is given.

Structural-functional analysis, social institute, education

УДК 378.4

Е. В. Строгоцкая

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА ПОСТМОДЕРНА

Анализируется кризис классической модели университета в контексте постмодерна. Обосновывается необходимость самоопределения современного университета. Вводятся социо-культурные основания для формулировки новой миссии университета.

Университет постмодерна, миссия университета, культура, ценности, истина, коммуникации, межкультурный диалог, междисциплинарные исследования, инновации

«Западный университет умер!» – трудно не согласится с этим, пусть и крайне радикальным, утверждением многих европейских и северо-американских исследователей. Если и сохраняется пока форма института, когда-то призванного передавать универсальное знание и методологию достижения истины, если и пользуется она эфемерной популярностью и даже ажиотажем, скорее связанными с ее символическими возможностями, то содержание идеи этого института, его образовательно-воспитательной миссии не просто проблематично, но стоит на грани полного изживания себя.

Если обобщить взгляды выдающихся мыслителей Европы на миссию университета и способы ее осуществления, то можно выделить следующие основные положения о классическом университете:

- 1) основная миссия университета – передача культуры, продуцирование духовных ценностей, поиск истины. Миссия осуществима только на основании универсального знания;
- 2) цель университета накапливать, продуцировать и передавать универсальное или, иначе, «либеральное» знание, свободное от утилитаризма.

Университет имеет три основных задачи: исследование, преподавание и воспитание, поскольку истину следует искать научным способом в процессе исследования, передавать ее в процессе преподавания и легитимировать посредством духовных ценностей и культурных образцов в процессе воспитания;

3) выполнение этих задач связано с двумя условиями – внутренним и внешним; внутреннее – наличие сократической коммуникации между всеми субъектами вузовского пространства; внешнее – автономия университета от государства [1].

Рассмотренные выше идеи определили облик современных университетов, однако, как отмечают некоторые исследователи, сегодня мы имеем дело уже не с современностью, а с постсовременностью, с ситуацией постмодерна.

Многое из классического культурного наследия поставлено под вопрос, в том числе и тот образ самого себя, который до этого был у университета. Это заставляет нас говорить о том, что идея классического университета в той форме, в которой она представлена описанными выше мыслителями, вступает в противоречие с окружающей культурной ситуацией.

Во-первых, за короткое время мир подвергся глубоким глобализационным процессам. Теперь рядом сосуществуют различные культуры, элементы контркультур активно проникают в еще недавно господствующие социальные традиции, делая их сомнительными, зыбкими. Сегодня неизвестно, какие духовные ценности воспроизводить и продуцировать.

Эпоха постмодерна еще острее, чем всегда, поставила вопрос об абсолютности истины, о возможности ее достижения и необходимости поиска. Современная наука принимает в качестве аксиомы положение о том, что каждый субъект познания ограничен рамками того горизонта, который ему обеспечивает поддерживающая его социальная конструкция, посредством которой он извлекает знание или впечатление о происходящем взаимодействии. Следовательно, истинного знания не существует, оно всегда сконструировано структурой восприятия мира, или, иначе говоря, социальная система и ее наука сами создают «истину», удобную для себя, – таковы постулаты, сформулированные в итоге господства науки, казалось бы, имеющей своей главной целью поиск истины.

Во-вторых, наука развивается кризисно и не может интегрироваться в единое целое, наоборот, чаще всего она претерпевает глубокую дифференциацию. Развитие науки часто создает противоречивые и противоположные тенденции. Поэтому сегодня единого универсального знания в принципе не может существовать. Однако в век электронной техники и компьютеров универсальное, но отнюдь не либеральное и уж, тем более, не свободное от утилитаризма, знание подменяет собой процесс приобретения информации, который сводится к умению обращаться со все увеличивающимся потоком данных в жестком соответствии с целями и задачами, часто поставленными перед собой не самим субъектом, а его внешней агрессивной средой.

Современный мир стал значительно прагматичнее, чем мир средневековья или Нового времени. Значительно выше, чем ценностные знания, и подчас выше, чем знания теоретические, сегодня ценится информация, имеющая прикладное значение.

М. Фуко выделял три основные когнитивные матрицы извлечения информации: «мера», или «измерение» (античность), «опрос», или «дознание» (средние века), «осмотр», или «обследование» (Новое время). Каждая из этих матриц до ее прямого эпистемологического функционирования входила в структуру регуляции сообщества. Мера выступала как средство поддержания справедливого порядка, выполняла функции упорядочивания социума античности; оп-

рос служил механизмом укрепления централизованной власти при переходе от средневековья к Новому времени; осмотр был средством осуществления функций селекции индивидов и групп и исключения некоторых из них из состава нормального «социального тела» [2].

Этапу постмодерна можно поставить в соответствие еще одну матричную структуру – матрицу «заказ». Такая когнитивно-телеологическая структура определяет жесткую зависимость субъекта познания от его заказчика. Основным принцип матрицы «заказ» заключается в конструировании характеристик объекта в соответствии с потребностями заказчика. Свойства объекта не столько постигаются в опыте, сколько приписываются ему и закрепляются в нем различными технологическими способами как технического, так и социального порядка.

Матрица «заказ» весьма распространена в современных обществах. Ее механизм активно используется средствами массовой информации, политическими группами, некоторыми учебными учреждениями. Матрица «заказ» ярче всех из описанных выше механизмов реализуется в принципе «разделяй и властвуй». В этом случае, в отличие от матрицы «осмотр», неудобные группы не исключаются из «социального тела», а превращаются в его определенные периферийные, неглавенствующие органы путем манипулирования информацией (например, дозирования, искажения, формирования «повестки дня»).

Отсюда проистекает и последняя третья черта современной ситуации – фактическая невозможность автономии университетов. Государство становится гарантом защиты университетов от бизнеса и наоборот. Особенно эта ситуация обостряется в условиях фактического дефицита финансирования высшего образования.

Новая социокультурная ситуация требует достаточно радикального пересмотра миссии и моделей университета, который, собственно, и пытаются осуществить некоторые постмодернистские философы и теоретики образования. Среди них хотелось бы остановиться на работах Х. Баумана, Р. Барнетта и Б. Ридингса [3].

Критиком трактовки миссии образования как продуцирования духовных ценностей и идеологического воспитания выступал Х. Бауман. Он основывал свою точку зрения на убеждении о том, что мир постмодерна не сложен, а сверхсложен, и университет непосредственно вовлечен в эту сверхсложность. Все позиции, кодифицированные старшими поколениями и позволявшие стабильно ориентироваться в мире, теперь потеряли свою былую устойчивость. Для нашего времени характерно разрушение всех рамок и всех образцов без предварительной подготовки индивидов, что заметно усложняет их существование и деятельность.

Стремление по традиции искать логически последовательные и связанные структуры и поступать в соответствии с ними в нынешней ситуации скорее может привести индивидов не к успеху, а к беде. По мнению Баумана, люди эпохи постмодерна должны уметь «не столько раскапывать скрытую логику в ворохе событий или обнаруживать скрытый смысл в случайных сочетаниях цветных пятен, сколько незамедлительно уничтожить сохранившиеся в их сознании модели и одним резким движением сорвать искусно оформленные картины; короче говоря, уметь воспринимать свой опыт на манер ребенка, играющего с калейдоскопом, найденным под рождественской елкой. Жизненный успех (и тем самым рациональность) людей постмодерна зависит от скорости, с какой им удастся избавиться от старых привычек, а не от скорости обретения новых».

С точки зрения существующих образовательных практик, такая ситуация обнаруживает полную несостоятельность, поскольку все они опираются на закрепощающие принципы фи-

лософии тождества («человек – это...»; «человек – должен быть...» и т. п.) и выражаются в различных системах так называемого нравственного («идеологического») воспитания.

Бауман использует понятие «третичное обучение» для описания образовательной практики, наиболее эффективной и соответствующей ситуации постмодерна. «Третичное обучение» дает знания о том, как нарушать общепринятый порядок, как избавиться от привычек и предотвратить привыкание, как преобразовать фрагментарные элементы опыта в его новые образцы. В соответствии с точкой зрения Баумана, именно такая педагогическая практика обеспечивает образование высшей адаптивной ценностью.

Процессы, по своему результату близкие к «третичному обучению», имели место в естественных условиях повседневной жизни государств бывшего социалистического лагеря Европы в последние десятилетия XX века. Действительно, их очевидцы констатируют повышение адаптивных свойств у немалой части жителей этих стран. Однако какова цена появления подобного комплекса свойств? Каковы последствия его функционирования?

«Третичное обучение», происходившее в реальной жизни, а не в образовательных учреждениях, разрушило или подстегнуло к разрушению многие институты общества, привело к утрате их стабильности (например, заметно ослабило институт семьи), не дав при этом ничего взамен. Население этих стран, действительно, быстро избавилось от старых привычек, но от самого процесса привыкания им уйти не удалось, что привело к быстрому распространению различных псевдоидеологических течений, например к экспансии сект. У людей не существовало ни только навыков синтеза фрагментов опыта, но и знаний способов принятия новых культурных образцов, что на почве общей нестабильности приводило и приводит к ожесточенному сопротивлению их проявлениям.

Все современные государства Восточной Европы с различным периодом запаздывания столкнулись с острейшей необходимостью продуцировать новую национальную идею как гарант стабильности социально-психологического состояния общества, как своего рода лекарство от тревожности, агрессивности, гражданской пассивности и равнодушия, деструктивного индивидуализма.

Безусловно, выработка и запуск новых механизмов стабилизации общества невозможны без критического подхода, но также немислимы они и без попыток понять имеющиеся и ушедшие традиции, без коммуникативной терпимости и межкультурного диалога. Передача этих аспектов культурного опыта формирует то самое «незаменимое “снаряжение” для жизни», о котором говорил Бауман, при этом, отнюдь не искажая образовательного процесса и не отклоняясь от его истинной цели.

Одной из ключевых фигур новой интерпретации миссии университета является английский исследователь Р. Барнетт. Барнетт настаивает на том, что, хотя существующая идея университета уязвима со многих позиций, но именно университет может противостоять захлестывающей все мировое сообщество социальной фрагментации.

В эпоху постмодерна общество претерпевает глубинные изменения. Потеря стабильности и конфликт основных дискурсов обязывают современный университет жить в неопределенности. Известно, что во времена эпохи модерна совершенно очевидным казалось, что индивид должен получить профессию, с которой затем будет связана его жизнь. Набор профессий чаще всего фиксировался в официальных классификаторах, а содержание обучения – в официальных программах. Нет нужды доказывать, что подобный подход не соответствует нынешнему положению.

В условиях необходимости подготовки к решению постоянно возникающих уникальных, новых и неожиданных задач требуется не столько знание жестко определенного предмета, сколько междисциплинарного подхода. На передний план выходит определение каждым индивидом собственной образовательной траектории в соответствии с меняющейся жизненной и профессиональной ситуацией.

В таких условиях обучение не может истолковываться с точки зрения процедуры. Это – не вопрос передачи знаний или приобретения навыков. Обучение должно вызывать брожение в умах студентов. Но задача педагога не заканчивается на этом, она исполняется лишь тогда, когда студенты осознают, что для жизни в этой неопределенности им необходимо найти и развить собственные силы. Барнетт констатирует в этой связи, что преподавание становится еще более сложным, образование более широким и основанным на критическом подходе. Дело не только в том, что изменение структуры рынка труда происходит сейчас гораздо быстрее, чем смена поколений. Узкое профессиональное образование лишь в редких случаях может дать человеку профессию на всю жизнь, а к смене профессий оно его не готовит. Дело еще и в том, что человечеству, и прежде всего образовательным учреждениям, по мнению Барнетта, предстоит вновь исследовать основания мышления и заново продумать проект будущего. В такое время узость взгляда становится недопустимой.

Нынешняя социальная ситуация может быть описана скорее не в форме «общества институтов», а в форме «общества коммуникации» – т. е. социального пространства открытой публичной состязательности, в котором имеет место высокая степень непредвиденности. На передний план выходит возрастающий уровень социальной фрагментации и анархии культурных форм, что во многом по-новому ставит проблему автономии субъекта и способов ее сохранения. Все более обнаруживается, что не традиционные политические и социальные структуры, но образование оказывается ключевым способом разрешения дилеммы автономии и фрагментации. В такой ситуации необходим медиатор, посредник, и таковым, как свидетельствуют факты, в возрастающей степени оказывается университет, но университет трансформирующийся.

В этой связи, по мнению Барнетта, необходимыми являются следующие атрибуты бытия университета: критическая междисциплинарность, коллективное самопознание, целевое возрождение, ангажированность, отсутствие фиксированных границ, а доминирующей характеристикой университета в новых условиях может быть лишь коллективная самоирония. Для формирования этих свойств университету нужны академические менеджеры, призванные развивать коллективное познание неопределенностей, которые детерминируют границы современного университета.

В этой части позиция Барнетта перекликается с еще одной интересной интерпретацией постмодернистского университета, которая представлена в книге Б. Ридингса «Университет в руинах». Ридингс описывает современный университет скорее как «постисторический», чем постмодерный, с тем, чтобы показать, что университет пережил свое историческое оправдание и сегодня не исполняет общественной миссии, превратившись в институт, формируемый не национальным государством, а корпоративным капитализмом.

Вместо национальной культуры университеты всего мира обнаруживают новую корпоративную идеологию «высокого качества», у которой нет внешнего референта. Ри-

дингс полагает, что обращение к высокому качеству означает, что больше нет никакой идеи университета, или, скорее, что такая идея потеряла все свое содержание. В качестве нереперентной единицы ценности, целиком внутренней для системы, высокое качество обозначает не что иное, как момент саморефлексии технологии. Именно поэтому ученый называет университет «институтом в руинах».

Альтернативной моделью университета, предлагаемой Ридингсом, является «сообщество несогласия». Применительно к преподаванию это означает, что оно должно быть чем-то большим, чем простая передача научного знания и воспроизводство системы мышления, а именно – диалогом, в котором «предпринимаются попытки осмыслить социальную связь без обращения за помощью к объединяющей идее, будь то культура или государство». С точки зрения управления, новый университет представляет собой пространство конфликтов, которые, скорее, нужно рассматривать в контексте конструктивистской перспективы новых институциональных возможностей.

Закономерно поэтому, что те университеты, которые хотели бы соответствовать новой ситуации, приходят к выводу о необходимости глубоких системных/структурных преобразований в самой организации университетского образования. Речь идет и о практике принятия решений, и о принципах набора студентов и подбора преподавателей, и о системе вознаграждения, и об используемых информационных системах. С этим же связано развитие новых форм преподавания и обучения, бросающих вызов традиционным парадигмам. Они все более требуют от студентов, преподавателей и администрации пересмотра и смены ценностных ориентации, открытости идеям и действиям по качественно новым и предельно разнообразным направлениям.

Идея современного университета воплощается в его новой миссии, которая должна одновременно удовлетворять как настоящему состоянию общества и культуры, так и будущему самого университета. Формулировка новой миссии – это попытка высших школ отразить свою историю в поисках адаптационных сил, это ответ на необходимость выживать в условиях быстрых перемен, все возрастающей прагматики, распространения на все сферы жизни человека правил рынка, стремительной социальной дифференциации, это и поиск своей неповторимости в ряду себе подобных. Принимая во внимание вызовы, брошенные эпохой постмодерна университету, нам хотелось бы предложить следующую формулировку его миссии. Современный университет или университет постмодерна призван:

1) расширять свое коммуникативное пространство и поддерживать внутри него междисциплинарный и межкультурный диалог, вовлекая все новых участников и обеспечивая их навыками критического осмысления и коммуникативной терпимости;

2) развивать методологию междисциплинарных исследований и предоставлять всем агентам образовательного поля равные возможности участия в таких исследованиях;

3) формировать у агентов образовательного поля социальные установки, обеспечивающие готовность к новаторству, обеспечивать знаниями, умениями и навыками, способствующими поиску новых нестандартных решений неопределенных ситуаций.

Университет, существующий в контексте новой миссии, можно назвать *университетом постмодерна*, поскольку его цели, задачи, институциональная структура и повседневность обязаны своим появлением условиям быстро трансформирующегося мира постмодерна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров Н. В., Ляхович Е. С. Миссия университетов в европейской культуре. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994.
2. Фуко М. Археология знания / Пер. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-Центр, 1996.
3. Гершунский Б. С. Философия образования XXI века. М.: Совершенство, 1998.

E. V. Strogetskaia

MISSION OF A POSTMODERN UNIVERSITY

Crisis of classical model of university in a context of a postmodern is analyzed. The necessity of self-determination of modern university is proved. The socio-cultural bases for the formulation of a new mission of university are introduced.

University of a postmodern, mission of university, culture, values, true, communications, intercultural dialogue, interdisciplinary researches, innovations

УДК: 378.1:316.77

М. Алгрин, К. К. Айкхорн, В. Родино

ОЦЕНКА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И РЕКЛАМЕ

Рассматриваются критерии оценки содержания и качества высшего образования с точки зрения потребителя образовательных услуг – студентов. Приводится методология оценки, разработанная на кафедре массовых коммуникаций и теории коммуникации Таусонского университета. Исследование, проведенное методом фокус-группы среди студентов, обучающихся по программе подготовки в области связей с общественностью и рекламы, позволило выявить основные факторы, определяющие качество образовательного продукта с точки зрения потребителей.

Оценка и управление качеством, уровень удовлетворенности, фокус-группы, процедуры оценки

Higher education's increased focus on assessment in recent years is fueled by a number of factors including: 1) increased public concern value for the dollar 2) accreditation requirements 3) concerns about efficiency of operation by school administrators and funding bodies and 4) competition to attract more and better qualified students (Lorenzetti, 2004). However, what is assessed and how it is assessed continue to remain points of discussion. Measurable standards allow a computer manufacturing company to determine whether its production costs, product failure rate and customer satisfaction fall within accessible industry norms. The product is standardized and the buyer knows what he or she expects from the product that is purchased. In education the customer's expectation of performance is unclear. Some may suggest it is knowledge, a better understanding of inner self, or to secure a financially stable job. This leads to the question: Are customer expectations of performance correlated in any way to the expectation of performance that the producers of education have? Is our product education or degrees?

Education is one of the only products that the less of the product the customer gets the happier many customers seems. If a person was to spend \$25,000 on a car the buyer would certainly want all four wheels, the engine, the radio, the transmission – all of the product that comes in the \$25,000 package. However, many students seem to rejoice when class sessions are cancelled. Too many students do not adequately read textbooks, prepare for class, or study for ex-

aminations. It appears the less they get of the product for their money, the happier many of them are. Too frequently they appear to be overly concerned with their grades and not with what they are learning. Do they understand what goes into defining value in education? Therefore, perhaps an even more basic question that needs to be asked during a discussion of assessment is who is the customer education needs to satisfy? The student who may define the higher education experience in a way that is very different from parents who may be footing the bill.

It is easy to see that assessment can easily become a quagmire of unsolvable questions, issues and concerns that can easily result in a paralysis of inaction. And as legitimate these issues are, they were not considered adequate to deflect the Towson University's administration's mandate of periodic program assessment. Such was the situation facing the university's Mass Communication and Communication Studies program. The department is composed two major divisions and consists of almost 1,000 majors. The mass communication division consists of three tracks, public relations, advertising and journalism. The public relations and advertising faculty are merged into a single unit for most administrative purposes. Periodic assessment is one of them.

Student Satisfaction

Student satisfaction has become a focus of many higher education assessment efforts (Corts, Lounsbury, Sandargrass, & Tatum, 2000). Studies have shown satisfaction to be correlated with perceptions of academic, personal and professional achievement (Bean & Bradley, 1986; Pike, 1993). But who determines the value of the product and what it includes-the educational professionals who are delivering knowledge or the student who perceives the product as either being of value or not? It was decided that the consumer, in this case, students, be intimately involved with assessing the product as they saw it either fulfilling their expectations and meeting their needs or not, regardless of the manufacturers' (the teaching faculty and staff) feelings about the worthiness of the consumer to judge.

Periodic assessment is built into the structure of the Department of Mass Communication and Communication Studies. Each unit is expected to provide evidence that it has meeting the previously agreed upon objectives and outcomes. The advertising/public relations unit faculty decided to obtain student feedback as to the quality of the educational experience the students were encountering within unit courses. Therefore this study examined the following research questions:

RQ1: How do students define satisfaction within the advertising/public relations track?

RQ2: How satisfied are students within the advertising/public relations track?

Methodology

To answer the first research question, focus groups consisting of a total of 12 undergraduate students enrolled in advertising and public relations track classes were held to investigate what elements students identified as being critical components to their satisfaction within their major. The components identified were: 1) quality of faculty-student interaction both in and out of the classroom; 2) grade/assessment procedures; 3) course selection and rotation; and 4) explanation of how to apply/use theories/information presented in courses.

In order to address the second research questions, the focus group information was used to create a 5-point Likert survey. A pre-test of the instrument was administered to two upper-level classes (300 level) using 52 students. The survey items were revised and an open-ended item was added to the survey to provide a qualitative outlet for student comments concerning the program.

Additional items on the survey gathered information about learning outcomes based on specific skill sets, e.g. professional ethics, on-line research, legal considerations, and graphic

software programs, and demographics including grade level, grade point averages, internships and on-campus and off-campus jobs.

The finalized instrument measured satisfaction with faculty interaction in, and out of, the classroom (12 items); satisfaction with overall assessment and grading (11 items); course selection and rotation (5 items) and explanation of how to apply/use theories/information presented in courses (4 items). This survey was given to 128 students in the advertising and public relations track during class sessions on a voluntary basis. To help cut down on duplications, students were instructed that if they had already taken the survey in a previously held class they could not fill out another instrument (See Appendix for full scale).

Results

Results for the questions "How satisfied are you with the overall academic experiences in your area of focus?" were $m = 3.35$ (out of a 5-point scale), $sd = 1.04$; "What is your overall perception of the overall academic quality of courses in your area of focus" were $m = 3.31$, $sd = .77$. Pearson Product Moment 2-tail correlations were run to investigate the fit between overall GPA (the average range was 2.99 to 2.30), GPA in major classes (average range was 3.79 to 3.00) and levels of satisfaction and perception of quality. None of the correlations was statistically significant. However, the correlation between satisfaction and perception of quality was significant at $p < .00$.

Two block-enter regressions were run to examine the relationships among the factors of satisfaction with faculty interaction in, and out of, the classroom; satisfaction with overall assessment and grading; course selection and rotation; and explanation of how to apply/use theories/information presented in courses. Both regressions were significant overall.

When using the question "How satisfied are you with the overall academic experiences in your area of focus?" as the dependent variable, faculty interaction showed a significant relationship with the dependent variable ($t = 2.413$, $F = .018$) as did explanation of how to apply/use theories/information presented in courses ($t = 2.38$; $F = .019$). Overall, the regression was significant ($F = 3.49$, $p < .01$). With "What is your overall perception of the overall academic quality of courses in your area of focus?" as the dependent variable, while the overall regression was significant ($F = 4.56$, $p < .002$) none of the individual factors showed a significant relationship with the dependent variable, explanation of how to apply/use theories/information presented in courses.

Discussion

Just like quality control is in manufacturing, assessment is part of higher education's permanent landscape. Assessing the assessors and their output has become a pastime for cost conscious consumers, constituent-minded politicians, and politically savvy university administrators. But education is not like jet engine turbines. There is no single standard of performance. It can vary from exploring one's inner-self to getting a job after graduation. Who defines output and level of performance has tremendous impact on what those performance standards should be. Should the producer, or the customer, and which customer, set the basis for assessment and review?

The advertising and public relations tracks decided to include a student-developed definition of what constitutes product. The four factors: faculty interaction in, and out of, the classroom; assessment and grading; course selection and rotation; and explanation of how to apply/use theories/information presented in courses, came out of student focus groups. The items, developed by the researchers, were tested for appropriateness by 52 students. And although the faculty attending unit meetings were asked for comments or suggestions no major changes in the measurement were suggested. It seemed that the students had come up with factors that faculty agreed were important com-

ponents in the definition of our product. Some of the major findings of this survey were four non-significant correlations. Neither overall GPA nor GPA in major courses shared a significant correlation with satisfaction with the academic experience or perception of academic quality. The point-picking many students engage in after receiving a graded examination makes it easy for faculty to believe that good grades, not a good education, is the output students are seeking.

Future Research and Conclusion

This study relied on students' assessment of satisfaction. However, some may argue that the faculty set the standards and see how well the students measured up. Future research should explore the discrepancies between student standards and faculty standards. Also, should faculty even be concerned with the students' assessment? Exploratory research may find that instructors are not interested in students' assessment of satisfaction.

The faculty and staff of the Department of Mass Communication and Communication Studies have long prided themselves on their quest for teaching excellence and student support both in, and outside of, the classroom. Students not only recognized this focus of academic endeavor as an important component in defining the educational product, but those who took the survey recognized teaching excellence as a main determinant of satisfaction with the academic experience in advertising and public relations.

REFERENCES

1. Bean, J. P. & Bradley R. K. (1986). Untangling the satisfaction-performance relationship for college students. *Journal of Higher Education*, 57, 393-412.
2. Corts, D. P., Lounsbury, J. W., Sandergrass, R. A., & Tatum, P. F. (2000). Assessing satisfaction with an academic department: A method and a case study. *College Student Journal*, 34, 399-408.
3. Lorenzetti, J. P. (2004). Transformational assessment in higher education. *Distance Learning Report*, 8, 3-7.
4. Pike, G. R. (1993). *The relationship between alumni satisfaction and work experience*. Paper presented at the Annual Forum of the Association for Institutional Research, Chicago, May 16-19.

M. Algren, K. C. Eichgorn, V. Rodino

ASSESSMENT IN HIGHER EDUCATION: INVESTIGATING A PUBLIC RELATIONS AND ADVERTISING PROGRAM

Higher education assessment criteria are considered from the point of view of student satisfaction. Assessment methodology developed by Mass Communication and Communication Studies Department of Towson University is given. The research using focus groups of undergraduate students enrolled in advertising and public relations track classes allowed to determine main factors determining quality of education product from the point of view of its customers.

Assessment and quality control, satisfaction level, focus groups, assessment procedures

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЭМОТИВНОСТИ

Раскрывается сущность понятия «эмоция» в современной психологии. Рассматриваются некоторые проблемы изучения эмоций в рамках когнитивного подхода.

Эмоция, эмоциональные состояния, мнения, когнитивные теории

В рамках изучения проблемы языковой эмотивности исследователи обращаются к психологическим теориям относительно сущности и специфики эмоций. Проблема заключается в том, что в науке до сих пор не имеется точного определения эмоций, отчасти из-за расплывчатости самого концепта «эмоция» и его принадлежности к ряду смежных с лингвистикой наук [1].

Таким образом, психология эмоций не располагает единой теорией эмоциональных явлений, что позволяет авторам по-разному трактовать термин «эмоция». Некоторые исследователи полагают, что эмоции – это более специфические реакции на конкретные события, имеющие идентифицируемую причину, определенный момент возникновения и относительно небольшую длительность. Другими авторами «эмоция» понимается в качестве кратковременного настроения, возникающего как реакция на оценку. Распространенное определение эмоции как «особого класса психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» не может считаться полным, так как не учитывает ряд существенных характеристик эмоций, а также их отличий от познавательных процессов. В частности, по мнению Е. Д. Хомской и Н. Я. Батовой, в данном определении не нашла отражения связь эмоций с бессознательной сферой, их отношение к деятельности человека, специфика их возникновения и закономерности функционирования, а кроме того, не обозначено существование различных типов эмоциональных явлений. К примеру, в «Кратком психологическом словаре» понятия располагаются следующим образом: от *эмоционального тона ощущений* как простейшей формы эмоций через *аффект* к высшей ступени развития эмоций человека – *чувствам и страстям*. *Настроения* рассматриваются в данном случае как изменения общего эмоционального фона. Качественными характеристиками эмоций названы положительный или отрицательный знак и модальность [2].

В современной психологии эмоций практически не разработан вопрос об ее объекте. В эмоциональной сфере отражения может быть выделено ядро, состоящее из очевидных эмоциональных состояний (страх, гнев, радость) и служащее, как правило, предметом исследования. В то же время за пределами этого ядра границы круга эмоциональных явлений остаются расплывчатыми [3].

Одной из важных проблем в изучении эмоциональных состояний является проблема соотношения эмоционального (аффективного) аспекта и рационального. В этом аспекте сущест-

вуют два направления в теории эмоций. Первое восходит к идеям Аристотеля, который рассматривал эмоции как способ понимания ситуации с большим или меньшим участием интеллекта. Второе, более позднее, основано на трактовке У. Джеймса, считавшего эмоцию физиологической реакцией [4]. Современные теории эмоций склонны принимать во внимание и аффективную, и когнитивную стороны явления. Чаще всего психологи придерживаются двухкомпонентного взгляда на эмоцию, считая, что она содержит и физиологические реакции, и мнения.

В последнее время в рамках когнитивных исследований проблеме эмоций уделяется большое внимание. В когнитивных теориях связь эмоций и мнений рассматривается с разных сторон: мнения можно считать предварительными условиями для возникновения определенных эмоций; мнение составляет логически необходимый компонент эмоций; некоторые мнения идентичны эмоциям; эмоции только вызывают определенные виды мнений. В когнитивном аспекте рассмотрения эмоций особенно важно учитывать принципиальную разницу между эмоцией и когницией, которая заключается в степени внимания к типу обрабатываемой в каждом случае информации: под когницией подразумевается ряд внутренних процессов, задействованных в овладении, хранении, преобразовании и поиске информации, при которых не учитывается тип информации, а в определениях эмоции обычно упоминается тип стимула или информации, которые продуцируют эмоцию.

В то же время очень трудно разделить аффективную и когнитивную стороны деятельности, так как сами эмоции человека представляют единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального [5]. Также обращаясь к эмоциональным характеристикам лексемы как единицы лексикона, необходимо учитывать, что как средство доступа к единому информационному тезаурусу слово задействует разнообразные психические процессы и результаты этих процессов, в которых эмоциональное и интеллектуальное представляют неделимое целое [6].

На основе различных подходов к определению понятия «эмоция» могут быть выделены некоторые общие постулаты:

1. Эмоции тесно связаны со всеми психическими процессами и являются неотъемлемым элементом взаимодействия личности с окружающим миром. В соответствии с этим эмоции участвуют в процессе познания и в процессах функционирования языка.

2. Эмоциональные реакции неразрывно связаны с процессом оценивания личностью собственного отношения к фактам окружающей действительности, вследствие чего в лингвистических исследованиях понятия «эмоциональности» и «оценочности», как правило, используются в тесной взаимосвязи.

3. Упомянутый выше процесс оценивания происходит на разных уровнях осознания, что может повлечь за собой разную степень дифференцированности эмоциональных процессов и, как следствие этого, разную степень отображения данных эмоциональных процессов средствами языка.

4. Эмоции социально и культурно детерминированы. Социальная детерминация объясняет возникновение эмоции, а культурно-историческая детерминация определяет формы выражения эмоций, процессы их саморегуляции. Несмотря на то, что представители разных культур испытывают универсальные эмоции, распределение этих эмоций, их интенсивность, акцентирование в речевых актах различается и на уровне языковой личности, и на национально-культурном уровне [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаховский В. И. Эмотивность и лексикология // Филологические науки. 1986. № 6.
2. Мягкова Е. Ю. Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1999.
3. Вилюнас В. К. Перспективы развития психологии эмоций // Тенденции развития психологической науки. М.: «ГИС», 1989.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
5. Рубинштейн С. П. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
6. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: Изд-во ТГУ, 2002.

Ju. Zhuravleva

PSYCHLINGUISTICAL ASPECT OF LINGUISTICAL EMOTIONALITY

The main point of concept «emotion» is discovered. Problems of studying of emotions on the basis of cognitive theory are analysed.

Emotion, emotional condition, opinion, cognitive theory

УДК 81'42

И. А. Ленькова

PR-ТЕКСТЫ В ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Рассматриваются проблемы типологии текстов, функционально-стилистические особенности PR-текстов, их жанровые характеристики, в том числе и с позиций дискурса и интенции текста

Текст, типология текстов, жанры PR-текстов, дискурс, интенция

Тексты являются одним из наиболее эффективных инструментов массовой коммуникации, которые нацелены на передачу информации, учитывающей общественный интерес, с одновременным приданием ей публичного статуса. В основе любого текста лежит определенный тип информации: социальной или ее разновидностей, рекламной или PR-информации.

Проблема типологии текста остается актуальной уже долгое время, поскольку на сегодняшний день не существует однозначной общепринятой точки зрения на выделение типов текста. Главная трудность заключается в том, что при текстовой дифференциации невозможно применить один критерий. Тексты разделяют по сферам общения и характеру отражения действительности (художественные и нехудожественные), по форме представления (устные и письменные) и др. Ясно одно, что критерии должны охватывать основные признаки текста: информационные, функциональные, структурно-семиотические и коммуникативные. Под типом текста понимается «модель, образец, схема построения и восприятия аналогичных текстов, по образцу которой могут создаваться другие тексты с различным содержательным наполнением» [1].

Развитие практики паблик рилейшнз привело к появлению различных функционально-стилистических особенностей текстов, используемых в данном виде коммуникаций. Существование отличных друг от друга, устоявшихся текстовых форм, общепринятых форматов передачи информации, а также наличие сформировавшихся принципов и мето-

дов построения текстов и определенных требований, предъявляемых к ним, позволяет говорить о том, что названные типы текста представляют особый интерес в силу своей малой изученности. Данные виды коммуникаций осуществляются, главным образом, посредством текстовой деятельности, и их специфика непосредственно связана с особенностями коммуникационного акта. Типология текстов на функционально-стилистической основе позволяет учесть как собственно языковую специфику текстов в системе публичных коммуникаций, так и их соотнесенность с определенной сферой коммуникации и прагматическими установками «источника».

При анализе различных типов текста учитываются собственно лингвистические и экстралингвистические характеристики. Лингвистические критерии выявляют типичные, регулярные для данного типа текста особенности: лексические, грамматические, стилистические, формы тематического развертывания (сообщение, описание, рассуждение, объяснение, доказательство). Экстралингвистические характеристики учитывают: иллокутивный аспект (декларативные, оценочные и другие тексты), содержательно-тематический аспект (рецензии, отзывы), коммуникативную ситуацию, а также характер сообщения (устное или письменное, монологическое или диалогическое, непосредственный или заочный контакт с партнером). Изучая письменные PR-материалы, необходимо обращать особое внимание на следующие параметры: объем и характер передаваемой информации, уровень оперативности и событийности, ориентированность на определенную целевую аудиторию, характер PR-деятельности (внутренний или внешний), канал распространения информации. Из этого можно сделать вывод о том, что все основные характеристики письменных PR-материалов относятся к экстралингвистическим критериям и отражают иллокутивные, пропозициональные и коммуникативные аспекты.

Проводя лингвистический анализ PR-текстов, их необходимо рассматривать с позиций жанровой классификации, но для начала следует обратиться к самому понятию «жанра». Словарь лингвистических терминов определяет жанр «как разновидность речи, определяемую данными условиями ситуации и целью употребления» [2]. С точки зрения М. М. Бахтина, жанр характеризуется тремя неразрывно связанными друг с другом моментами: «особым тематическим содержанием, стилем (отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка) и композиционным построением» [3]. В то же время при изучении жанра представляется важным учитывать и те его аспекты, которые были выделены Г. Л. Пермяковым (прагматическая направленность, или функция жанра) [4].

Жанровая дифференциация PR-текстов в современной литературе еще окончательно не определена, хотя специалисты сходятся во мнении, что именно характер, объем и глубина передаваемой информации предопределяют оформление этой информации в каких-либо жанровых рамках. Для начала рассмотрим жанры PR-текстов в традиционной семиотической парадигме: семантике, синтактике и прагматике. В семантическом направлении, прежде всего, выделяются оперативно-новостные и исследовательско-новостные жанры, причем этим жанрам принадлежит ведущее место среди PR-текстов, и именно они составляют основную часть массовых информационных потоков, позволяющих аудитории осуществлять постоянный мониторинг наиболее

значимых событий, связанных с PR-объектом. К ним относятся: заметка (анонс, аннотация, блиц-портрет, мини-история), пресс-релиз, расширенная информация текущего характера о субъекте PR (бэкграундер), приглашение, интервью, лист вопросов и ответов. В этом же направлении можно также выделить фактические или фактологические жанры, в основе которых лежат сведения, дающие дополнительную информацию о событии: факт-лист, биография. Кроме того, в жанровой классификации нужно отметить исследовательские жанры, которые предлагают наличие в тексте широкого анализа представляемых фактов (заявление для СМИ), образно-новостные жанры, сосредоточенные на новостном событии, однако информация излагается от конкретного лица (байлайнер, поздравление), а также комбинированные PR-тексты – собранные вместе текстовые материалы, объединенные одним информационным поводом (пресс--kit, брошюра, буклет, проспект, годовой отчет, ньюслеттер). Среди материалов для непосредственной публикации (первичный жанровый текст) специалисты отдельно отмечают занимательную историю (статью, призванную в легком стиле подойти к серьезной проблеме) и обзорную статью (материал, анализирующий, интегрирующий опыт нескольких фирм одной отрасли) [5].

С точки зрения синтаксического направления, Н. В. Шевченко [6] классифицирует жанры письменной речи: по субъекту речи (в PR-текстах авторство, чаще всего, анонимно, поскольку PR-специалист не ставит свою подпись под материалом (пресс-релиз, бэкграундер, факт-лист)), по объекту (PR-тексты в большинстве случаев массово-ориентированы (на какую-либо целевую аудиторию): заметка, бэкграундер, заявление для СМИ), по речи внутри-текстового автора (PR-тексты очень информативны, ведь именно они и призваны донести необходимую информацию о PR-объекте: пресс-релиз, лист вопросов и ответов).

В третьем – прагматическом – аспекте мы исходим из понимания текстов «философией обыденного языка» Джона Остина, который предложил разграничивать два типа высказываний: перформативные и констативные [7]. Первые не просто описывают ситуацию, а сами являются ее частью, и к ним можно отнести заявление для СМИ, байлайнер. В то же время констатив – чистое описание ситуации, в этих высказываниях можно выделить пресс-релиз, бэкграундер, заметку. PR-тексты очень заинтересованы в перформативах, поскольку именно они являются коммуникативными указателями на реальные действия.

Проблемы жанровой классификации также стоит рассматривать с позиций дискурса. Письменные жанры научного дискурса и PR-текстов очень четко противопоставляются по признаку первичности / вторичности (занимательная статья – пресс-релиз). Следует отметить, что стратегии дискурса являются основами для формирования типов текста, но при этом жанры текстов выделяются, в основном исходя из коммуникативной ситуации. При прагматическом анализе текста на первый план выходит категория «интенции». В целом под текстовой категорией специалисты понимают признаки, свойственные всем текстам и без которых не может существовать ни один текст, и это является типологическим признаком текста. Любая текстовая категория выделяется на функционально-семантическом основании, представляя собой «универсальный смысл» текста.

Интенция – это коммуникативное намерение, или коммуникативная цель, которой сопровождается высказывание в общении [8]. Если следовать классификации высказыва-

ний по их общей цели, каждую из таких целей можно соотнести с обобщенной интенцией говорящего: сообщить (пресс-релиз, бэкграундер), осведомиться о чем-либо (лист вопросов и ответов) или побудить к изменению отношения (заявление для СМИ, байлайнер). Интенций, сопровождающих высказывание, может быть несколько и много, и они могут быть разнохарактерные и разноуровневые по отношению друг к другу. В существующих определениях интенции акцентируются ее различные аспекты. По определению многих специалистов, интенция представляет собой «намерение говорящего сообщить нечто, передать в высказывании определенное субъективное значение». Это мы можем проследить в заявлении для СМИ или байлайнере. Для наименования интенций могут использоваться не только глаголы (прежде всего, глаголы речевых действий), но и имена существительные: идентификация (Это Виктор Иванович Петров – в биографии), возражение (Нет, это не он – в имиджевой статье), приветствие (Здравствуйте! – в байлайнере), время (Когда вы придете – в заявлении для СМИ), отказ, попытка; принуждение, предложение и др. Выраженная коммуникативная интенция обязательно должна совпадать с действительной интенцией говорящего, или с тем, что говорящий всегда стремится к тому, чтобы слушающий распознал его действительную интенцию.

В случаях коммуникативных неудач или сознательного введения слушающего в заблуждение часто имеет место несовпадение действительной интенции говорящего и коммуникативной интенции, предоставляемой адресатом в высказывании для распознавания адресанту. Наличие интенции воздействия и внедрения каких-либо установок может быть губительно для некоторых PR-текстов. Например, пресс-релиз, написанный в лучших рекламных традициях, закончит свою жизнь в мусорной корзине, а журналист, если и прочитает это послание, то уж точно не воспользуется им для написания статьи и к тому же составит неблагоприятное мнение о приславшей этот текст компании. Понятие интенции, коммуникативной цели и стратегии в настоящее время в разных аспектах разрабатывается в коммуникативной лингвистике и риторике. В этой связи огромное значение приобретают сопоставительное изучение текстов, выявление их общих черт, семантической и прагматической специфики. Дальнейшему изучению также подлежат интенциональные особенности текста, и особенно, вследствие своей малой изученности, интенции PR-текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С. Теория текста: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. М.: Высш. шк., 1979.
4. Проблемы теории текста: Реферативный сборник. М.: Экзамен, 1978.
5. Кривоносов А. Д. Жанры PR-текста: Учеб. пособие. СПб.: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2001.
6. Шевченко Н. В. Основы лингвистики текста: Учеб. пособие. М.: Приор-издат, 2003.
7. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
8. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учеб. пособие. СПб.: Рефл-бук, 2004.

I. A. Lenkova

PR-TEXTS IN TEXT LINGUISTICS: APPROACHES FOR STUDYING

The article deals with the text types, stylistic characteristic features of PR-texts, genres of PR-texts. Discourse and text intention are applied to the text analysis

Text, text types, PR-texts genres, discourse, text intention

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ФОРМИРОВАНИЯ «СПЕЦИАЛЬНОГО КОМПЬЮТЕРНОГО» ЯЗЫКА

Рассматриваются некоторые причины иноязычных заимствований. Отмечается, что процесс заимствования является естественным для русского языка. Выделяются группы профессиональной «компьютерной» лексики: термины, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы. Отмечается, что подобная лексика оказывает влияние на русский литературный язык. Рассматриваются некоторые единицы компьютерного жаргона. Также подчеркивается, что «специальный компьютерный язык» во всех его проявлениях заслуживает более пристального внимания лингвистов.

Словарный состав, заимствования, иноязычные слова, способы пополнения словарного состава, термин, терминология, терминосистема, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, компьютерный жаргон

Существование любого языка немислимо без постоянного обогащения, развития словарного состава, самой подвижной его части. Как известно, наиболее заметные изменения в языке (в частности, в его лексическом составе) происходят в периоды коренных политических, экономических, социальных и культурных изменений в обществе. Однако каждый такой период имеет свои особенности. И если интенсивное обогащение словарного состава русского языка остается общей чертой для всех значимых периодов в жизни народа и страны, то различными бывают источники его пополнения, способы образования новых слов, пути развития лексического состава языка. Около полувека назад известный историк языка Ю. С. Сорокин написал: «Изменения в стилистике языка и стилистике речи связаны с изменением в составе языкового коллектива, с изменением его социальной природы, с выдвижением внутри него новых влиятельных групп...» [1. С. 21]. В то время эта мысль могла выглядеть несколько отвлеченной и относилась прежде всего к истории языка. В наши дни она обретает конкретный и актуальный смысл, когда мы говорим об уже вполне сформировавшейся социальной группе людей, занимающихся компьютерными технологиями, программированием, да и просто пользующихся компьютером в своей работе и повседневной жизни.

Последние десятилетия XX века ознаменовались бурным развитием высоких технологий и компьютерной техники в западных странах, формированием терминологических систем вычислительной техники и информатики и, как следствие, активизацией процесса заимствования иноязычных слов. Иноязычное слово, чаще всего английское, в современном русском контексте, по мнению многих лингвистов, – это одна из примет «языкового вкуса эпохи» ([2] и др.). Как известно, русский язык всегда был широко открыт для заимствований, в его лексике большой процент составляют слова иноязычного происхождения, вошедшие в обиход в разные эпохи. «Многие из этих слов настолько прижились в русском языке, ассимилировались им, подчинившись русской грамматике (приняли формы словоизменения и создали словообразовательные гнезда), что воспринимаются как вполне русские» [3. С. 108]. В большинстве своем заимствования были требованием жиз-

ни. Достаточно вспомнить XVIII век, начало формирования научного стиля – языка научного общения, когда в русский язык вошли в большом количестве германизмы и галлицизмы – термины наук и ремесел, стремительно развивавшихся в России в этот период [4], [5]. Конечно, некоторая часть заимствований диктовалась модой, эти слова далеко не всегда надолго входили в состав русского языка, против них выступали и знаменитые языковеды, и общественные деятели. Однако процессы заимствования – реальные языковые факты нашей истории, поэтому попытки избавиться от иноязычных заимствований уже давно обречены на провал. Как отмечал В. М. Мокиенко, «страшиться за судьбу русского языка из-за притока новых, пусть и «чужих», слов не следует, ибо языковая система, как показывает многовековой опыт, сама отбирает пути освобождения от лишнего, а полезное – сохраняет и развивает, делая «своим» [6. С. 6].

В конце XX века возникли благоприятные условия для расширения международных контактов, Россия стала более открытой для таких контактов. В новых социальных и политических условиях неизбежно активизировался и процесс заимствований. Следует отметить, что и само отношение многих лингвистов к заимствованиям в новых условиях, начиная с 60-х годов, и в особенности в 90-е годы, изменилось коренным образом ([2], [7] и др.). В настоящее время, когда сам стиль нашей жизни резко меняется, когда широкое распространение получили компьютеры и Интернет, иноязычное слово стало неотъемлемой частью словаря даже на бытовом уровне, не говоря уже об уровне специальном, научно-техническом. Информационный и технический взрыв конца XX века сделал неизбежным международный обмен информацией, что было бы невозможным без «единого языкового кода, чем и является в данном случае интернациональная терминология» [3. С. 109]. Необходимость в наименовании новых понятий и явлений действительности и отсутствие подобных слов в русском языке (а в данном случае мы говорим о компьютерных технологиях и всем, что с ними связано) привели к заимствованиям интернациональной лексики из уже сложившейся в международном употреблении системы компьютерной терминологии. Многие из этих терминов стали «привычными», они уже успели довольно глубоко войти в русский язык, образуют словообразовательные гнезда, хотя и воспринимаются носителями языка как иностранные слова, находят отражение в разнообразных словарях современного русского языка, изданных в последние годы (см. [11], [12], [13]). Англицизмы активно осваиваются русским языком не только в научной сфере общения, но и в разговорной речи. Несомненное влияние на изменения в современном русском языке оказывает и Интернет [8]. Многими исследователями отмечается, что одновременно с языком программистов начал формироваться специфический жаргон знатоков вычислительной техники, пользователей персональных компьютеров и просто людей, увлекающихся компьютерными играми.

Уже можно с уверенностью сказать, что бурное развитие компьютерных технологий в современном мире привело к созданию специального языка, который состоит из достаточно богатой терминологической системы и профессионализмов, используемых специалистами в общении друг с другом и заменяющих иногда для удобства этого общения «официальные», зачастую громоздкие, термины. Следует также говорить о значительной группе слов, которые можно условно назвать компьютерным жаргоном (некоторые лин-

лингвисты предпочитают термин «компьютерный сленг» [9], [10]. Будучи языком преимущественно молодых людей, как утверждают многие лингвисты, компьютерный жаргон содержит много специфических слов и окказионализмов, обслуживающих данную профессиональную сферу деятельности. Иноязычные заимствования являются отнюдь не единственным источником пополнения жаргона компьютерщиков, некоторые слова заимствованы из жаргонов других профессиональных групп, часто метафоризируются слова общепотребительного русского языка, встречаются и другие способы переноса. Так как компьютерная сфера относится к наиболее стремительно развивающимся, словарь постоянно пополняется новыми лексическими единицами, а из-за быстрого устаревания компьютерных программ и оборудования многие слова так же быстро и исчезают из употребления. Достаточно часто специфические слова на уровне жаргона переходят из профессиональной речи в разговорно-бытовую, активно используются в произведениях различных жанров публицистического стиля и в художественной литературе.

Обширный материал для лингвистического исследования предоставляет роман известного русского писателя-фантаста Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений» (М.: Аст, 2000), основное действие которого происходит в «виртуальном», компьютерном мире. Не будем останавливаться на художественных достоинствах и недостатках этого произведения, несомненный интерес представляет то, какие лексические единицы компьютерного языка использует автор, как они вводятся в текст романа и не затрудняет ли обилие «компьютерной лексики» понимание текста.

Следует отметить, что в тексте широко представлены все три группы специального компьютерного языка: термины, профессионализмы и жаргонизмы, при этом большая их часть дается без пояснений. Вышеизложенное прежде всего касается терминов, уже зафиксированных в словарях современного русского языка: компьютер, винчестер, вирус, диск, дискета, клавиатура, оперативная память, программа, программист, программное обеспечение, процессор, файл и многие другие. Однако и большинство жаргонизмов, использованных автором, также дается без толкования понятий.

Рассмотрим лишь некоторые из встречающихся в тексте лексических единиц.

1. Слово *хакер* уже получило широкое распространение и известно, вероятно, любому носителю русского языка благодаря частотности использования в СМИ. Интересно, что в толковом словаре 2001 г. оно дается без помет: **ХАКЕР**, -а; м. [англ. *hacker* – рубщик]. Программист. Пытающийся получить доступ к секретной информации, изменить ее в свою пользу. // Программист, взламывающий программы [13. С. 900], а в словаре разговорной речи 2004 г. находим: **ХАКЕР, ХЭКЕР**, -а, м., *комп.* **1.** Программист, взламывающий программы. <...>. *Взломанная хакером (программа).* <...>. // *бизн.* Программист, пытающийся получить доступ к секретной информации, изменить ее в свою пользу. <...>.

2. *шутл.* Квалифицированный программист. *Хакеры – это такие же люди, как и остальные, только очень хорошо разбирающиеся в компах и зачастую обладающие нестандартным видом мышления.* <...>. < От англ. *hacker*.

3. Электронный пират-программист. Компьютерный жулик, пытающийся получить доступ к секретной информации или даже изменить ее в свою пользу. <...>.

4. Взломщик программного обеспечения. *Сегодня прочитала интересную статью про хакеров.* <...>. < От англ. *hacker* 'то же'. [11. С. 363].

В тексте романа слово используется во всех этих значениях: *крутой хакер; программный гений, хакер ... знаток железа и софта.*

2. Также находим в словарях и слово *софт*, но с пометами: **СОФТ**, -а; м. [от англ. soft – мягкий]. *Информ.* Разнообразные программы, обеспечивающие работы компьютера, его отдельных частей, хранение, обработку данных и т. п. [13. С. 779]; **СОФТ**, -а, м. *комп.* Программное обеспечение. <...>. *Прикладной софт. Взломанный софт.* <...>. < От англ. software. [11. С. 297]. У Лукьяненко мы встречаем как *программное обеспечение*, так и *софт: программное обеспечение для «Макинтошей»; разнообразный вирусный софт; копии с софтом; переставлять весь софт.*

3. Несмотря на общеупотребительность слова *компьютер, комп*, являющийся его разговорным синонимом, встречается только в словаре молодежного сленга: **КОМП**, а, м.. *комп. Персональный компьютер.* <...>. Ваш комп приказал долго жить. (запись 1997 г.) [12. С. 239] и в словаре англицизмов в том же значении и с пометой «компьютерное» [11. С. 159]. Следует заметить, что в тексте этот вариант встречается не так часто, как другой разговорный синоним слова *компьютер – машина: старенький комп.*

Ни в одном из словарей не зафиксированы использованные в тексте романа слова «двойка» – компьютер на базе Intel Pentium II, «тройка» – компьютер на базе Intel Pentium III. Вместе с вышедшими из употребления компьютерами ушли из живой речи и эти слова, использовавшиеся в 1999–2002 и в 2002–2004 гг.

4. Толковый словарь дает слово *железо* сразу с двумя пометами: **ЖЕЛЕЗО**, -а; ср. ... 5. *Разг. Техн.* Аппаратные средства компьютера. [13. С. 187], а словарь сленга – более развернутую словарную статью: **ЖЕЛЕЗО**, -а; ср. ... 3. *Комп. Аппаратная часть компьютера.* <...>. Железо – hardware – всё, что не программа – корпус, платы, принтер (Запись 1997 г.) Представители ведущих фирм отечественного сетевого рынка – производители «железа» для ПО и Интернета. Моск. комс., 20.03.98. [12. С. 155]. В тексте романа встречается и слово *железо – качество железа, и разработки в области «железа».*

5. Широко известная оперативная система WINDOWS имеет жаргонное название *форточки*, также зафиксированное словарями: **ФОРТОЧКА**, -и, *жс.* чаще мн. *комп. шутил.* Операционная система WINDOWS. *Девяносто пятая форточка.* <...>. *У меня опять форточки слетели.* <...>. < Метонимическое наименование от англ. WINDOWS – окна. # **Горбатые (колхозные, мсявые) форточки.** – То же. <...>. # **Форточки для сараев** – Операционная система WINDOWS Work Halls. <...>. # **Форточки для рабов** – Операционная система WINDOWS for Work Group. <...>. # **Стучать форточками** – Работать с WINDOWS. <...>. # **Из-под форточек** (*работать, запускаться и т.п.*) – О работе в операционной системе WINDOWS. <...>. < От англ. windows 'окна'. <...>. [11. С. 350]; **ФОРТОЧКА**, -и, *жс.* ... 2. мн. **ФОРТОЧКИ**, чек, шутил., *комп.* Операционная система MS WINDOWS [12. С. 578]. В тексте романа слово встречается лишь однажды: «... виртуальность. А для нее «форточки» – самая удобная программа», а в настоящее время в речи компьютерщиков оно используется довольно редко.

6. Также редко используемое в настоящее время жаргонное название еще одной операционной системы – *полуось* вошло в «разговорные» словари: **ПОЛУОСЬ**, -и, *жс.* *комп. шутил.* Операционная система OS/2. <...>. # **Под полуосью.** В операционной системе OS/2.

Под полуосью эта программа хорошо работает. <...>. < От англ. OS/2. [11. С. 245]; **ПОЛУОСЬ**, -и, ж. комп. Операционная система OS/2. [12. С. 404] и употреблено в тексте в словосочетании *баловаться полуосью* в значении «пользоваться операционной системой».

7. Жаргонизм *чайник*, как известно, вошел в компьютерный язык из жаргона автомобилистов и зафиксирован словарями: **ЧАЙНИК**, -а; м. ...2. *Шутл.* О неопытном человеке, новичке в чем-либо [13. С. 918]; **ЧАЙНИК**, -а; м., ирон. 1. *Неопытный в чем-л. человек, новичок в каком-л. деле* [12. С. 245]. Этот жаргонизм имеет более «узкоспециальный» синоним *ламер*, зафиксированный только одним словарем: **ЛАМЕР**, -а, м. комп. презр. 1. *Начинающий пользователь компьютера, считающий себя большим специалистом-компьютерщиком. Гнусный (презренный, паршивый) ламер.* <...>. < От англ. *late* 'хромой'. 2. *Человек, сильно переоценивающий свои способности; «низкопрофессиональный человек, хвастающий своими знаниями».* *Ламер – человек, который мало что знает, но не стремится научиться, так как считает себя невероятно крутым.* <...>. < Первоначально в компьютерном сленге, где *ламер* – неопытный пользователь, непрофессионал. <...>. < От англ. *late* 'хромой' [11. С. 175]. У Лукьяненко часто встречаются оба слова, часто в одном предложении: *«Но он крутой хакер, а я простой «чайник»; Есть хакеры, есть честные чайники, есть ламеры. Первые – умеют все. Вторые – учатся. Третьи – дураки, над ними и поиздеваться не грех».* В значении «малограмотный пользователь компьютера» *ламер* и по сей день встречается в речи компьютерщиков.

8. Людям, любящим компьютерные игры (особенно игру «DOOM»), вряд ли необходимо объяснять значение слова *думер*: **ДУМЕР**, -а, м. комп. Человек, играющий в «Дум» (DOOM); большой любитель этой игры. <...>. [11. С. 116], однако не зафиксированного словарем сленга. Любопытно, что в настоящее время у слова развилось еще одно значение: «сумасшедший программист».

9. Словосочетание «пользователь ПК» уже прочно вошло в русский язык. В жаргоне компьютерщиков, помимо существительного-синонима *юзер*, часто используется глагол *юзать*: **ЮЗАТЬ**, юзаю, юзает, несов., что. комп. Использовать, применять. <...>. < От англ. *to use*. <...>. *Кто юзал мой компьютер?* <...>. Ср. ЮЗИТЬ. [11. С. 392]. Значение слова понятно из контекста и без пояснений: *Ты что, по-прежнему «Виндоус-Хоум» юзаешь?* (...пользуешься операционной системой WINDOWS HOME EDITION).

10. Встречается в тексте романа и до сих пор часто используемое в значении «точка перехода из одной компьютерной сети в другую» слово *гейт* [от англ. *gate* – ворота], не зафиксированное словарями: *...платный интернетовский гейт, через который я вошел...; влез через гейт.* Однако в словаре находим однокоренной глагол: **ГЕЙТИТЬСЯ**, -чусь, -тится, несов. комп. Переходить из одной сети в другую. <...>. < От англ. *gate* 'ворота'. [11. С. 78].

11. Некоторые из жаргонизмов имеют детальное объяснение в тексте, как, например, **РУЛЕЗ**¹, неизм. Хорошо, классно. *Шоколад рулез; Рулез (rulez) – это слово обозначает нечто положительное. Подробнее никто не знает.* <...>. < Первоначально в компьютерном сленге, от англ. *rules* 'правила'. Г. Гуссейнов со ссылкой на К. Мильчина отмечает, что слово в значении 'отличный, работоспособный, пригодный, вызывающий зависть' заимствовано из книги Дж. Толкиена. <...>. [11. С. 271]. Лукьяненко объясняет это так: *«Рулез! ...*

«Рудез» – это что-то хорошее. Холодное пиво, компьютер седьмого поколения, юная красавица, удачно обезвреженный вирус... глинтвейн. Сидим над обрывом, и нам хорошо».

12. Еще один жаргонизм, имеющий подробное объяснение в тексте: **САКС**, неизм., в знач. прил., нареч., комп. Очень плохой; очень плохо (о чем-л., относящемся к компьютеру). <...>. < От англ. sucker. [11. С. 277]: «– Сакс! – шепчу я излюбленное ругательство виртуальщиков. Сакс – это «повисший» компьютер, не захотевшая работать программа, кислое пиво или уехавший из-под носа троллейбус».

13. В тексте романа несколько раз встречается жаргонизм *sison*, зафиксированный словарем сленга: **СИСОП**, а, м., комп. Системный оператор. <...>. Может, ваши сисопы разберутся в моих мозгах. (Запись 1998 г.) [12. С. 483]; но, по всей вероятности, уже успевший выйти из активного употребления: «...часть просто создана сисопами «Лабиринта» для большей торжественности».

14. Слово же *локалка*, имеющее значение «локальная компьютерная сеть» и используемое в современной речи, не нашло отражения ни в одном из анализируемых словарей. В тексте романа: *Но выход на «Интернет» есть, через какую-то местную локалку.*

Безусловно, это далеко не полный список слов, которые можно отнести к жаргону компьютерщиков, как профессионалов-программистов, так и «простых пользователей». Однако даже из приведенных примеров можно сделать вывод о постоянном изменении и развитии «специального языка» этой области человеческой деятельности. В данной статье мы лишь затронули тот широкий пласт лексики, который представляет собой компьютерную терминологию и жаргон. Не вызывает сомнения, что быстрое развитие этих языковых явлений и их дальнейшее распространение среди носителей языка обуславливается глубоким проникновением компьютерной техники в жизнь современного общества. Как справедливо заметил П. В. Лихолитов несколько лет назад, «компьютерный жаргон должен стать объектом пристального внимания ученых-языковедов, ведь, как показывают примеры других жаргонных систем, специальная лексика иногда проникает в литературный язык и закрепляется там на долгие годы» [9. С. 49]. К этому можно добавить: не только жаргон, но и «компьютерная» лексика в целом.

Автор благодарит Олега Листова за помощь в подготовке данного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1996.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.
4. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М.; Л.: Наука, 1964.
5. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминосистем // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 82–94.
6. Мокиенко В. М. Слово о словаре англицизмов // Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М.: ИТИ технологии, 2004. С. 5–10.
7. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1996. С. 142–161.
8. Трофимова Г. Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: Изд-во РУДН, 2004.

9. Лихолитов П. В. Компьютерный жаргон // Русская речь. 1997. № 3. С. 43–49.
10. Лаптева О. А. Теория современного литературного языка. М.: Высш. шк., 2003. С. 100–113.
11. Словарь. Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М.: ИТИ технологии, 2004.
12. Никитина Т. Г. Словарь молодежного сленга 1980–2000 гг. СПб.: Норинт, 2003.
13. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001.

E. A. Smirnova

ON THE QUESTION OF SPECIAL RUSSIAN COMPUTER VOCABULARY FORMATION

Some questions of Russian borrowed special vocabulary are considered. Three groups of specialized computer sublanguage are distinguished: terms, professionalisms and professional special computer jargon words. It is mentioned that modern Russian literary language is affected (sometimes greatly) by special vocabulary. It is also emphasized that these system is changing and developing at present as computer technologies are improving and it is more worthy of linguists notion as yet.

Vocabulary, borrowings, foreign words, ways of vocabulary replenishment, term, terminology, terminology system, professionalisms, professional jargon words, computer jargon